

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб

Амфора

В амфоре, ярко расцвеченной,
Угрюмый раб несет вино.
Неровен путь неосвещенный,
А в небесах уже темно, –
И напряжёнными глазами
Он зорко смотрит в полутьму,
Чтоб через край вино струями
Не пролилось на грудь ему.
Так я несу моих страданий
Давно наполненный фиал.
В нём лютый яд воспоминаний,
Таясь коварно, задремал.
Иду окольными путями
С сосудом зла, чтоб кто-нибудь
Неосторожными руками
Его не пролил мне на грудь.

Воды

Весенние воды, что девичьи сны:
В себе отражая улыбки весны,
Шумят и сверкают на солнце оне
□□И шепчут: «Спасибо весне!»
Осенние воды – предсмертные сны:
С печальным журчаньем, всегда холодны,
По вязкой земле, напоённой дождем,
□□Текут они мутным ручьём.

У решётки

Стальная решётка.
Здесь – пыль и камень,
Там – сад и пруды,
Качается лодка,
Доносится пенье,
Алеют плоды.
По жёсткой дороге
Толпой богомольцы
Куда-то спешат.
В болтливой тревоге
Звенят колокольцы,
Колёса гремят.
В гамаке плетеном,
То вправо, то влево,
Крылом ветерка,
В приюте зелёном
Заснувшая дева
Качнется слегка.
«Какие слабые цветы!..»
Какие слабые цветы!
Над ними мчится ветер злобный,
Злорадно песнею надгробной
Пророча гибель красоты.
Не так же ль их, как нас, гнетёт
Слепой судьбы неумолимость, –
Но непреклонная решимость
В них созидает нежный плод!
Из Поля Верлена
Синева небес над кровлей
□□Ясная такая!
Тополь высится над кровлей,
□□Ветви наклоняя.
Из лазури этой в окна
□□Тихий звон несется,
Грустно с веток этих в окна
□□Песня птички льётся

Боже мой! Я звуки слышу
□□Жизни мирной, скромной.
Город шепчет мне, – я слышу
□□Этот ропот томный:
«Что ты сделал, что ты сделал!
□□Исходя слезами,
О, подумай, что ты сделал
□□С юными годами!»

Качели
В истоме тихого заката
Грустило жаркое светило.
Под кровлей ветхой гнула хата,
И тень сад приосенила.
Березы в нём угомонились
И неподвижно пламенели.
То в тень, то в свет переносились
Со скрипом зыбкие качели.
Печали ветхой злою тенью
Моя душа полуодета,
И то стремится жадно к тлени,
То ищет радостей и света.
И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньям,
Переносюсь попеременно
От безнадёжности к желаньям.
«Что вчера пробегало во мне...»
Что вчера пробегало во мне,
Что вчера называл я собою,
Вот оно в голубой вышине
Забелелось тучкой сквозною.
Тот порыв, что призывной тоской
В этом сердце вчера отозвался,
Это он перед близкой грозой
Над шумящею нивой промчался.
Та мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне забвенья,
На иной и далёкой земле
Снова ищет себе воплощенья.
«Лампа моя равнодушно мне светит...»
Лампа моя равнодушно мне светит,
□□Брошено скучное дело,
□□Песня еще не созрела, –
Что же тревоге сердечной ответит?
Белая штора висит без движенья.
□□Чьи-то шаги за стеною..
□□Эти больные томленья –
□□□□Перед бедою!

Негодование
Душою чистой и незлобной
Тебя Создатель наделил,
Душой, мерцанью звёзд подобной
Иль дыму жертвенных кадил.
Хотя дыханьем чуждой злобы
Не раз мрачился твой удел, –
Нет человека, на кого бы
Ты тёмной злобою кипел.
Но каждый день огнем страданья
Венчала жизнь твоё чело, –
В твоей душе негодование,
Как семя в почве, проросло.
Сокрытая красота
(З. Н. Г.)

Где грустят леса дремливые,
Изнурённые морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.
Как чужда непосвящённому,

В сны мирские погружённому,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извиистой.
Вот берёзки захирелые
Над болотную равниную.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.
Как чужда непосвящённому,
В сны мирские погружённому,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!
«Покоя мёртвых не смущай...»
Покоя мёртвых не смущай, –
Могилы украшай цветами,
Но бесполезными спезами
□□Земли не орошай.
□□Из замогильной дали
Не долетит, как не зови,
На запоздалый крик печали
Ответный голос их любви.
«Ангел мечты полуночной...»
□□Ангел мечты полуночной,
После тоски и томленья дневного
В свете нездешнем явился ты мне.
□□Я ли постигну, порочный,
Раб вождельня больного и злого,
Радость в наивном твоём полусне?
□□Ясные очи упрёком
Рдеют, как майская полночь – грозою.
Жаль мне до слёз непорочной мечты.
□□Ты не миришься с пороком.
Знаю: я жизни и счастья не стою, –
О, если б смертью повеял мне ты!
Лихо
Кто это возле меня засмеялся так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,
Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идёт неотступною тенью,
□□Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви, и забвенью,
□□кто тебе дал эту силу?
Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо:
«Я – бесталанное, всеми гонимое Лихо!
В чьём бы дому для себя уголок не нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты покоя.
Только тебе побороться со мной недосужно, –
□□Странно мечтая, стремишься ты к мукам.
Вот почему я с твоею душою так дружно,
□□Как отголосок со звуком».

Жажда
Блажен, кто пьет напиток трезвый,
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечёт к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.
Блаженно всё, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, –
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознанья,

Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.
Творчество
Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Её стремительный полёт,
И ясный холод вдохновенья
Из грёз кристаллы создаёт.
Когда ж, на землю возвращаясь,
Недостижимое тая,
Она проснётся, погружаясь
В туманный воздух бытия, –
Небесный луч воспоминаний
Внезапно вспыхивает в ней,
И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.

В мае
□□□□Майские песни!
□□□□Нежные звуки!
Страсть их слагала, поёт их весна.
Радость, воскресни!
□□□□Злоба и муки –
Призраки страшные зимнего сна.
□□□□Злые виденья
□□□□Раненой жизни,
Спите до срока в мятежной груди!
□□□□Ключ вдохновенья,
□□□□На душу брызги,
Чувства заснувшие вновь разбуди!
Морозная даль
□□□□Морозная светлая даль,
□□И низкое солнце, и звёзды в снегу...
□□Несут меня сани. Забыта печаль.
Морозные грёзы звенят надо мной на бегу.
Открытое поле всё бело и чисто кругом.
Раскинулось небо широким и синим шатром.
□□Я вспомнить чего-то никак не могу,
□□Но что позабылось, того и не жаль.
□□Пуста и безлюдна морозная даль.
□□Бегут мои кони. Ямщик мой поёт.
□□□□Деревни дымятся вдали...
□□Надо мною несётся мечта и зовет...
□□□□Плещут волны, летят корабли...
Рассыпается девичий смех перекаточной волной...
Ароматная ночь обаяла своей тишиной...
□□Мы крылаты, – плывем далеко от земли...
□□Ты, невеста моя, не оставишь меня...
□□Нет, опять предо мною зима предстаёт,
□□Быстро сани бегут, и ямщик мой поёт,
И навстречу мне снежная пыль мимолетного дня.
Судьба
Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.
За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась,
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.
Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, –
Сбылось веленье тайных слов:

На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака тёмного бежали.
«Ребенка часто посещал...»
...Ребенка часто посещал
Тяжёлый сон, необъяснимый;
Он детский разум ужасал
Загадкою неразрешимой.
И в тишине его ночей
К нему являлся некий гений
С коварной прелестью речей,
С утехой знойных наслаждений.
Ребенку мил был чудный взгляд,
И поцелуи вражьи милы, –
Он пил беспечно сладкий яд,
Играя с вестником могилы.
«Я приготовился принять гостей...»
□□□□Я приготовился принять гостей,
□□□□□Украсил я свою келейку,
И вышел к воротам, и сел там на скамейку,
С дороги не свожу внимательных очей,
И жду, – а путь лежит печальный и пустынный,
Бубенчик не гудет, колеса не гремят,
Лишь вихри пыльные порою закружат, –
И снова путь лежит, докучливый и длинный.
Огнём
Проходит она торопливо
На шумных путях городских,
Лицо закрывая стыдливо
Повязкой от взоров людских:
Пожаром её опалило,
Вся кожа лица сожжена,
И только глаза защитила
Своими руками она.
В пожаре порочных желаний
Беспомощно дух мой горел,
И только усладу мечтаний
Спасти от огня я успел.
Я жизни свободной не знаю,
В душе моей – мрачные сны,
Я трепетно их укрываю
Под нежную тканью весны.
Ночь («Уныло плавала луна...»)
Уныло плавала луна
В волнах косматых облаков,
Рыдала шумная волна
□□У мрачных берегов,
Уныло ветер завывал,
Качая ветви гибких ив, –
На мягких крыльях сон летал,
□□Тревожен и пуглив.
«Чайка, предвестница бури...»
□□Чайка, предвестница бури,
Вьётся над морем с пронзительным криком,
Тучи сгоняют прозрачность лазури,
Волны хохочут в веселии диком.
□□Грусть, как предвестница горя,
Реет над сердцем моим утомлённым.
Думы, как волны сурового моря,
Тяжко владеют умом полонённым.
«Бледна и сурова...»
□□□Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
□□□Как моря седого
□□□□Прибой.
□□□Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
□□□Торопится стая

□□□□Теней.

«По жестоким путям бытия...»

По жестоким путям бытия
я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа – моя,
Для меня наряжается мир.
Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запылённые ноги мои.

И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.

«Нет, не любовь меня влекла...»

Нет, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила, –
Мне наслаждения сулила
Царица радостного зла.

Окружена прозрачной дымкой
Порочных снов и злых страстей,
Она сошла к душе моей
Ожесточённой нелюдимкой,
И научила презирать
Людские скучные забавы,
И чары тайные вкушать,
Благоуханные отравы.

Восторгов тщетных, грёз ночных
Струи кипучие так сладки, –
Но в сердце копятся от них
Противно-горькие осадки.

«Васильки на полях ослезились росой...»

Васильки на полях ослезились росой, –
Васильки твоих глаз оросились слезой.
Пробежал ветерок по румяным цветам,
Пробежала улыбка по алым губам.
И улыбка, и слезы, – и смех, и печаль,
Миновавшей весны благодатная даль!

«Где ты делась, несказанная...»

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?

Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения

Проскользнула в тишине!

От людей

Я осмеянный шел из собрания злобных людей,
В утомлённом уме их бесстыдные речи храня.
Было тихо везде, и в домах я не видел огней,
А морозная ночь и луна утешали меня.
Подымались дома серебристою сказкой кругом,
Безмятежно сады мне шептали о чём-то святом,
И, с приветом ко мне обнажённые ветви склоня,
Навевая мечты, утешали тихонько меня.
Улыбаясь мечтам и усталые взоры клоня,
Я по улицам шёл, очарованный полной луной,
И морозная даль, серебристой своей тишиной
Утишая тоску, отзывала от жизни меня.
Под ногами скрипел весь обвеянный чарами снег,
Был стремителен бег легких туч на далёкий ночлег,
И, в пустынях небес тишину ледяную храня,
Облака и луна отгоняли тоску от меня.

«Цветы роняют вешний аромат...»

□□Цветы роняют вешний аромат,

□□ Слова теряют смысл первоначальный,
Сменился юный пыл досадою печальной,
И песни прежние докучливо звучат, –

□□□ И лишь позор нагого преступленья
□□□ Заманчив, как всегда,
□□□ И сладко нам немое исступленья
□□□ Безумства и стыда.

«Я ждал, что вспыхнет впереди...»

Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря, и жизнь свой лик покажет

□□□ И нежно скажет:

«Иди!»

Без жизни отжил я, и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет

□□□ И грозно скажет:

«Иду!»

«Ангел снов невиденных...»

Ангел снов невиденных,
На путях неиденных
Я тебя встречал.

Весь ты рдел, таинственный,
И удел единственный
Ты мне обещал.

Меркло, полусонное,
Что-то непреклонное
У тебя в глазах;

Книгу непрочтённую
С тайной запрещённую
Ты держал в руках.

«Ризой бледно-голубою...»

Ризой бледно-голубою
Твердь ложится над землёю,
Звёзды трепетно мерцают,

Тучи бледною толпою,
Точно призраки, мелькают,
В бледной мгле почили дали, –
И на всём печать печали.

Неурожай

Над полями ходит и сердито ропщет

□□□□ Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, –

□□□□ Стрибог, помогай!
Ходит дикий, злобный, хлеб и мнёт, и душит,

□□□□ Обошёл весь край,
И повсюду землю гневным взором сушит, –

□□□□ Стрибог, помогай!
Губит наших деток неподвижным взором

□□□□ Злой Неурожай.

Голодом томимы, молим хриплым хором:

□□□□ Стрибог, помогай!

Швея («Истомила мечта...»)

□□□□ Истомила мечта,
□□□□ Вожделеньем взволнована кровь.

□□□□ Эта жизнь и скучна и пуста,

□□□□ А в мечте безмятежна любовь.

За машиной шумливой сидит молодая швея.

□□□□ Бледна, и грустна, серебрится луна...

□□□□ Отчего не слышать соловья?

□□□□ Отчего не лепечет волна?

□□□□ И грустна, и бледна молодая швея.

□□□□ Повстречать бы любовь,

□□□□ Рассыпая пред нею цветы!

□□□□ Вожделеньем взволнована кровь,

□□□□ И румяны, и знойны мечты.

□□□□ Под изношенным платьем не видно пленительных плеч.

□□□□ Только шорох невнятный порой за стеной...

□□□□ Отчего бы на ложе не лечь,

□□□□ Обнажая свой стан молодой!

□Только шорох невнятный от девственных плеч.

□□□Истостила мечта,

□Вожделеньем взволнована кровь.

□Эта жизнь и скучна и пуста,

□А в мечте лучезарна любовь.

«Не рождена притворством...»

...Не рождена притворством

Больная песнь моей тоски:

Её жестокие тиски

Ни трудовым моим упорством,

Ни звонкой радостью весны

Не могут быть побеждены.

Её зародыши глубоки,

Её посеяли пороки,

И скорбь слезами облила,

И солнце правды беспощадной

Дарует жизни безотрадной

Довольно света и тепла.

Утро

Мутное утро грозит мне в окно,

□□В сердце – тревога и лень.

Знаю, – мне грустно проведать суждено

□□Этот неласковый день.

Знаю, – с груди захирелой моей

□□Коршун тоски не слетит.

Что ж от его беспощадных когтей

□□Сердце моё защитит?

Сердце, сberi свои силы, борись!

□□Сердце мне шепчет в ответ:

«Силы на мелочь давно разошлись,

□□Сил во мне больше и нет!»

«Полдневный сон природы...»

Полдневный сон природы

И тих, и томен был, –

Светло грустили воды,

И тёмный лес грустил,

И солнце воздвигало

Блестящую печаль

И грустью обливало

Безрадостную даль.

«В пути безрадостном среди немой пустыни...»

В пути безрадостном среди немой пустыни

□□□Предстала предо мной

Мечта порочная, принявши вид богини

□□□Прекрасной и нагой.

□□□Рукою нежной разливала

□□□Из тонкого фиала

□□□Куренья дымные она,

□□□И серебристо обвивала

□□□Её туманная волна.

□□И предо мной склонившись, как рабыня,

Она меня к греху таинственно звала, –

И скучной стала мне житейская пустыня,

□□И жажда дел великих умерла.

«Думы чёрные лелею...»

Думы чёрные лелею,

Грустно грежу наяву,

Тёмной жизни не жалею,

Ткани призрачные рву,

Ткани юных упований

И туманных детских снов;

Чуждый суетных желаний,

Умереть давно готов.

Грустно грежу, скорбь лелею,

Паутину жизни рву

И дознаться не умею,

Для чего и чем живу.

Любовь

Ночные грезы их пленили,
Суля им радостные дни, –
Они друг друга полюбили,
И были счастливы они.
То было молодостью ранней,
Когда весна благоуханней,
Когда звончее плеск ручья,
Когда мечтанья вдохновенней,
И жарче жажда бытия
И жажда радости весенней...
Восторги, грёзы без числа, –
Забава жизни то была.
То жизнь смеялась, рассыпая
На их пути свои цветы
И тихо веющего мая
Лобзанья, чары и мечты.
Она любовью их манила,
А после горем наделила.
Тоска
Насыщен воздух влагою
И холодом объят,
А капли пара тонкого
С земли в него летят.
Туманами окутана,
Из глаз исчезла даль,
Трава росую плачется
На горькую печаль.
Моя душа подавлена
Великою тоской
И, как мертвящим холодом,
Объята тишиной, –
И впечатленья новые
Мне горько-тяжелы:
Их радость претворяется
В смятенье зыбкой мглы.
«Печалью бессонной...»
□□Печалью бессонной
Невестиных жарких желаний
От смертного сна пробуждённый
□□Для юных лобзаний,
Он дико рванулся в могиле, –
И доски рукам уступипи.
Досками он земпю раздвинул, –
□□И крест опрокинул.
Простившись с разрытой могилой
И сбросивши саван, он к милой
Пошел потихоньку с кладбища, –
Но жаль ему стало жилища,
Где было так мёртво-бездумно...
Шумела столица безумно
□□Пред ним, и угрюмый
Стоял он, томясь непонятно
□□Тяжёлою думой:
К невесте идти иль обратно?
«Молодая вдова о почившем не может, не хочет скорбеть...»
Молодая вдова о почившем не может, не хочет скорбеть.
Преждевременно дева всё знает, – и счастье ее не манит.
Содрогаясь от холода, клянчит старуха и прячет истертую медь.
Побледневший колодник сбежавший в лесу у ручья, отдыхая, лежит.
О любви вдохновенно поёт на подмостках поблекший певец.
Величаво идёт в равнодушной толпе молодая жена.
Что-то в воду упало, – бегут роковые обломки колец.
Одинокая спешная ночь и трудна, и больна.
Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
И когда же я встречу тебя, о царица моя?
Дорогой потаённой
Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я?

Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Дорогой незнакомую,
Среди немых болот
С медлительной истомою
Она меня ведет.
Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.
Коса её запутана,
В ней жёсткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.
Дорогой потаённую,
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сонною
Напоенный, цветет.
Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Её найду ли я?

Зой

В лесу живет проказник неуёмный,
□□□□Малютка Зой.
Насмешливый, он прячется в укромной
□□□□Глуши лесной.
На нём надет кафтанишко, плетённый
□□□□Из трав лесных,
По ветру кудри вьются, и зелёный
□□□□Колпак на них.
На молвь людей он любит откликаться
□□□□В тиши лесной,
Но им в глаза не смеет показаться
□□□□Малютка Зой.
«Ярко солнце блещет...»
Ярко солнце блещет, –
Взор к земле прикован,
Тленной красотою
Разум очарован.
Потемнеет небо,
Звёзды загорятся, –
Смело в бесконечность
Думы устремятся.
Солнце – лжи источник,
Обольстивший очи;
Правда – собеседник
Бодрствующей ночи.
«Гляжу на нивы, на деревья...»
Гляжу на нивы, на деревья,
На реки, доли, стены круч,
И на воздушные кочевья
Свинцовых и жемчужных туч, –
И терпеливою душою
Их тайну постигаю я:
За их завесою цветною
Родные снятся мне края.
«Чем свежее становилось...»
Чем свежее становилось,
Чем длинней ложилась тень,
Тем настойчивей просилась
В сердце вкрадчивая лень,
Надоевшую работу
Не давала мне кончать,
И постылую заботу
Порывалась отогнать.
Так любимая супруга
К трудолюбцу подойдёт.

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru

И смеётся, и зовёт,
И торопит час досуга.
«Благословляю, жизнь моя...»
Благословляю, жизнь моя,
□□□Твои печали.
Как струи тихого ручья,
Мои молитвы зазвучали.
Душевных ран я не таю,
Благословив моё паденье.
Как ива к тихому ручью,
К душе приникло умиление.
На закате
Небо жёлто-красное зимнего заката,
Колокола гулко заунывный звон...
Мысли, проходящие смутно, без возврата,
Сердца наболевшего неумолчный стон...
Снегом занесённые, улицы пустые,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Из окошка вижу я кудри дымовые,
Вереницы тесные деревянных крыш.
Воздух жгучим холодом чародейно скован.
Что-то есть зловещее в этой тишине.
Грустью ожидания разум очарован.
Образы минувшего снова снятся мне.
Вечер
(О. К. Т.)

Вечереет. Смотри:
Там, на серых домах,
Красный отблеск зари,
Там, на белых стенах,
Нашей церкви, как чист
Нежно-алый отлив!
Воздух тих и душист,
И горит каждый лист
Там, на зелени ив!
Светло-розовый блеск
По реке разлился,
А в воде что за плеск
У ребят поднялся!
За рекою песок
Жёлтой лентой лежит,
И сосновый лесок
Ясным светом облит.
Укрывался в тень
От вечерних лучей,
Едет русская лень
На тележке своей.
Пыльный столб за рекой
По дороге ямской
Сизой тучкой встаёт
И за клячею в лес
Свой летучий навес,
Колыхаясь, несёт.
Свечерело. Смотри,
Как с последним лучом
Догоревшей зари
Всё бледнеет кругом.
Се жених грядет...
В час, заране неизвестный,
В час полуночи глухой
К нам сойдёт жених Небесный
Потаённую тропой, –
И блажен, кто, бодр и светел,
Ждал желанного в ночи,
Кто ночные тени встретил
Ясным пламенем свечи.
Кто ж, печалясь в мёртвом мраке,

Не поддерживает свет,
□□□□Для того на браке
□□□□□Места нет.

Красота Иосифа
Легенда

Залиха лежала, стеная, на пышной постели,
Пред нею супруги вельмож, египтянки, сидели.
«Залиха, скажи нам, какой ты болезнью страдаешь?
Печально ты смотришь, горишь ты, – как свечка, ты таешь».
«Подруги, я стражду, больная мятежною страстью,
Желание жгучее пало на сердце напастью».
«Тебя погружает богатство в поток наслаждений, –
Тебе ли знакомы несытые вздохи стремлений!»
«О, если б имела, подруги, я все, что б хотела!
О, если бы воля моя не знавала предела!»
«Но что невозможно, о том бесполезны и грезы
Безумны желанья, безумны горячие слезы!»
«Для вас, о подруги, мои непонятны мученья,
Но вам покажу я предмет моего вожделенья,
Вы сами желанья почуете лютое жало».
Залиха за чем-то рабыню тихонько послала,
И снова к подругам: «Покушайте, вот апельсины.
Ах, если бы в сладком забвении было кручины!»
Едва к апельсинам коснулись ножи золотые,
У входа зазбылились быстро завесы цветные.
Тяжёлые складки рукою проворной отбросив,
Вошёл и склонился смиренно красавец Иосиф,
И по полу твердо ступая босыми ногами,
Приблизился к гостьям, – и долу поник он очами.
Горячая кровь на ланитах его пламенела,
Смуглело загаром прекрасное, стройное тело.
И вскрикнули жены, с Иосифа глаз не спускают,
Как руки ножами порезали, сами не знают.
Плоды окровавлены, – гостьям как будто не больно.
И рада Залиха, – на них улыбнулась неволью.
«Вы полны восторгом, едва вы его увидели, –
Судите же сами, какие терплю я печали!
Он – раб мой! Его каждый день, как рабыня, прошу я,
Никак не могу допроситься его поцелуя!»
«Теперь, о подруга, твои нам понятны мученья,
Мы видели сами предмет твоего вожделенья!»

Арфа Давида

Над чертогом псалмопевца
Арфа звонкая висела.
Если ночью веял ветер, –
За струной струна звенела,
И аккорды раздавались
Над венчанной головою,
И царя они будили
Сладкозвучною хвалою.
Царь Давид вставал с постели,
Исполнялся вдохновенья,
Ударял по струнам арфы, –
И слагал он песнопенья.
И в ответ ночному ветру
Арфа звонкими струнами
Рокотала и звенела
Под державными руками.
Из Притчей Соломоновых

1

Вот чертог; здесь пир блестящий,
Здесь ликуют дети зла.
Зависть, словно змей шипящий,
В сердце путника вползла.
На камнях у порога
Недоступного чертога,
Запоздавши в час ночной,
Ты сидишь усталый, бледный.

В край далекий шел ты, бедный,
Бесприютный и босой.
Но завистливой печали
В кротком сердце не лелей:
Пред тобой синеют дали
Предстоящих светлых дней.
Будешь ты в странах счастливых, –
А у злых и нечестивых
Нет грядущего, поверь:
Смерть их светочи потушит,
И в развалины обрушит
Раззолоченную дверь.

2

Два ножа неутомимо
Друг о друга я точу.
Что мне жалобный их скрежет!
Заострить их я хочу.
Уж они блестят зеркально,
Истончились острия, –
И с размаху тонкий волос
На весу разрезал я.
Так, встречая взоры друга,
Изощряем мы свой взгляд,
И глаза в чужую душу
Проницательней глядят.
«Мы шли вдвоём тропюю тесной...»
Мы шли вдвоём тропюю тесной,
□□Таинственный мой друг, –
И ни единый путь небесный,
□□И ни единый звук!
Дремало мёртвое болото,
□□Камыш угрюмый спал,
И впереди чернело что-то,
□□И кто-то угрожал.
Мы шли болотную тропюю,
□□И мертвенная мгла
Вокруг нас зыбкой пеленою
□□Дрожала и ползла.
К тебе я робко наклонился,
□□О спутник верный мой,
И странно лик твой омрачился
□□Безумною тоской.
Угрозой злою задрожали
□□Во мгле твои уста, –
И понял я: ты – дочь печали,
□□Полночная мечта.
Рано
Полно плакать, – вытри слезы,
Проводи меня в свой сад:
Там нас нежно встретят розы,
И навстречу нам берёзы
Зыбким смехом задрожат
Полно плакать, – что за горе!
То ль, что мачеха лиха,
И, с тобою вечно в ссоре,
Держит двери на запоре,
Не пускает жениха?
Не томи тоской сердечка, –
Год промчится, подрастёшь,
Смело выйдешь на крылечко,
Повернёшь в дверях колечко
И от мачехи уйдёшь...
«Рукоятью в землю утвердивши меч...»
...Рукоятью в землю утвердивши меч,
Он решился грудью на клинок налечь,
Ратной неудачи искупить позор, –
И перед кончиной горд был ясный взор.
Пораженьем кончен мой неравный бой

С жизнью неудачной, с грозною судьбой, –
Мне бы тоже надо навсегда заснуть,
Да пронзить мне страшно трепетную грудь.

«Мы устали преследовать цели...»
Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы, –
□□□Мы созрели
□□□Для могилы.

Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели, –
□□□Мы истлеем в ней скоро,
□□□И без цели.

«Звёзды радостно горели...»
Звёзды радостно горели,
Голова моя кружилась, –
И на грудь мою невеста
С робкой ласкою склонилась.
Страсть пылала в нас, но что-то
Восставало между нами, –
Я к устам её румяным
Не посмел припасть устами.
Было ль это предвещанье
Стерегущего несчастья,
Или робкий отголосок
Отшумевшего ненастья?

«Навек налажен в рамках тесных...»

Навек налажен в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звёзд небесных
Свободной жизни блеск и зной.
Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни наслаждений бодрых нет.
Томясь в завистливой печали,
Слежу задумчиво тогда,
Как выплывают из-за дали
Деревни, степи, города,
Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжёт,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встаёт...
Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шёпот
В базарных криках потонул.

«Что дорого сердцу и мило...»
Что дорого сердцу и мило,
Ревнивое солнце сокрыло
Блестящую ризой своей
□□От слабых очей.

В блаженном безмолвии ночи
К звездам ли подымутся очи, –
Отраден их трепетный свет,
□□Но правды в нём нет.

Сойду ли в подземные ходы,
Под мшистые, древние своды,
Является что-то и там
□□Пугливым очам.

Напрасно и очи закрою, –
Виденья встают предо мною,
И даже глубокие сны
□□Видений полны.

Явленья меня обступили,
И взор мой лучи ослепили,
Я мрака напрасно ищу
□□И тайно грущу.

«В беспредельности пространства...»

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

В беспредельности пространства

Где-то есть земля иная,
И на ней моя невеста,
К небу очи подымая,
Как и я же, ищет взором
Чуть заметного светила,
Под которым мне томиться
Участь горькая судила.

Стихи. Книга вторая
«Имена твои не ложны...»

Имена твои не ложны,
Беспечальны, бестревожны, –
Велика их глубина.

Их немолчный темный шёпот,
Предвещательный их ропот
Как вместить мне в письма?

Имена твержу и знаю,
Что в ином ещё живу,
Бесполезно вспоминаю
И напрасно я зову.

Может быть, ты проходила,
Не жалела, но щадила,
Не желала, но звала,
Грустно взоры опускала,
Трав каких-то всё искала,
Находила и рвала.

Может быть, ты устремляла
На меня тяжелый взор
И мечтать не позволяла
Про победу и позор. Имена твои все знаю,

Ими день я начинаю
И встречаю мрак ночной,
Но сказать их вслух не смею,
И в толпе людской немею,
И смущён их тишиной.

«Проходил я мимо сада...»

Проходил я мимо сада.

Высока была ограда,
И затворены ворота.

Вдруг калитка предо мной
Отворилась и закрылась –
На мгновение мне явилось
Там, в саду зелёном, что-то,
Словно призрак неземной.

Вновь один я возле сада,
Высока его ограда,
Перед ней, за ней молчанье, –
Пыль и камни предо мной.

Я иду и верю чуду,
И со мной идёт повсюду
Бездыханное мечтанье,
Словно призрак неземной.

Сон («В мире нет ничего...»)

В мире нет ничего

Вожденнее сна, –

Чары есть у него,

У него тишина,

У него на устах

Ни печаль и ни смех,

И в бездонных очах

Много тайных утех.

У него широки,

Широки два крыла,

И легки, так легки,

Как полночная мгла.

Не понять, как несёт,

И куда, и на чём, –

Он крылом не взмахнёт,

И не двинет плечом.

«Приучив себя к мечтаньям...»

Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованиям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно,
Как вдыхают запах трав,
Шелестящих под ногами
В полуночной тишине,
Отвечающей луне
Утомительными снами
И тревожными мечтами.

«Дорогой скучно-длинною...»

Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,
Печалью изранила,
И разум отуманила,
И волю отняла.
Послушен ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуясь, молчу.
Найти дороги торные,
Весёлые, просторные,
И сам я не хочу.
Глаза мои дремотные
В виденья мимолётные
Безумно влюблены.
Несут мои мечтания
Святые предвещения
Великой тишины.

«Изнурённый, утомлённый...»

Изнурённый, утомлённый
Жаждой счастья и привета,
От лампы незажжённой
Жди таинственного света.
Не ропщи, не уклоняйся
От дороги, людям странной,
Но смиренно отдавайся
Чарам тайны несказанной,
За невидимой защитой,
С неожиданной отрадой,
Пред иконою сокрытой
С незажжённой лампадой.

«В тишине бездыханной ночной...»

В тишине бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты тёмен и тих.
Оглянуться не смею назад,
И на мне твой томительный взгляд,
И, как ночь раскрывает цветы,
Что цветут для одной темноты, –
Так и ты раскрываешь во мне
Всё, что чутко живёт в тишине, –
И вошёл я в обитель твою,
И в кругу чародейном стою.

«Не понять мне, откуда, зачем...»

Не понять мне, откуда, зачем
И чего он томительно ждёт.
Преодо мною он грустен и нем,
□□И всю ночь напролёт
Он вокруг меня чем-то чертит
На полу чародейный узор,
И куреньем каким-то дымит,
□□И туманит мой взор.
Опускаю глаза перед ним,

Отдаюсь чародейству и сну, –
И тогда различаю сквозь дым
□□Голубую страну.
Он приникнет ко мне и ведёт,
И улыбка на мёртвых губах, –
И блуждаю всю ночь напролёт
□□На пустынных путях.
Рассказать не могу никому,
Что увижу, услышу я там, –
Может быть, я и сам не пойму,
□□Не припомню и сам.
Оттого так мучительны мне
Разговоры, и люди, и труд,
Что меня в голубой тишине
□□Волхвования ждут.
«Я иду путём опасным...»
Я иду путём опасным
Над немой и тёмной бездной
С ожиданием напрасным
И с мечтою бесполезной.
К небесам не подымаю
Обольщённых бездной взоров, –
Я давно не понимаю
Правды царственных укоров.
Не кляню я обольщенья,
Я туда смотрю, где мглою
Покрывается паденье
Камней, сброшенных ногою..
«Ты от жизни оторвался...»
Ты от жизни оторвался
И с мечтою сочетался, –
Не бери земной подружки,
Не стремись к минутным целям:
Не заснут седые вьюги,
Не прильнут к дремотным елям, –
Их жестокие боренья
Далеки от утомленья.
«Не нашел я дороги...»
Не нашел я дороги,
И в дремучем лесу
Все былые тревоги
Осторожно несусь.
Все мечты успокоя,
Беспечален и нем,
Я заснувшего зоя
Не тревожу ничем.
Избавление чую,
Но путей не ищу, –
Ни о чём не тоскую,
Ни на что не ропщу.
«Не хочет судьба мне дарить...»
Не хочет судьба мне дарить
Любовных тревог и волнений;
Она не даёт мне испить
Из кубка живых наслаждений.
И грёзу я плотью облёк,
И дал ей любовные речи,
Надел ей на кудри венки,
Прозрачное платье на плечи,
И в сумраке летних ночей
На зов мой она появлялась
И, сбросив одежду с плечей,
Ласкаясь, ко мне прижималась.
Когда же разрежут восток
Лучи восходящего солнца,
И, встретив их яркий поток,
Зардеются стёкла оконца,
Она становилась бледна,

Печально меня целовала,
И в узком просвете окна
В сияньи небес исчезала.
«Солнце скупое и лениво...»
Солнце скупое и лениво,
Стены тускло-холодны.
Пролетают торопливо
□□Дни весны, как сны.
Гулки улицы столицы,
Мне чужда их суета.
Мимолётнее зарницы
□□Красота-мечта, –
И, вдыхая запах пыли,
Я, без думы и без грёз,
Смутно помню: где-то были
□□Слёзы вешних гроз.
«Расцветайте, расцветающие...»
Расцветайте, расцветающие,
Увядайте, увядающие,
Догорай, объятые огнём, –
Мы спокойны, не желающие,
Лучших дней не ожидающие,
Жизнь и смерть равно встречающие
С отуманенным лицом.
«Тепло мне потому, что мой уютный дом...»
Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпеньем и трудом:
Дрожа от стужи, вёз ты мне из леса хворост,
Ты зёрна для меня бросал вдоль тощих борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.
У кузнеца
Легенда
Мать Божья в двери кузни
Постучалась вечерком:
«Дай, кузнец, приют мне на ночь:
Спит мой сын, далёк мой дом».
Отворил кузнец ей двери...
Мать Божия сидит,
Кормит сына и на пламя
Горна мрачного глядит.
Реют искры, ходит молот.
Дышит мастер тяжело.
Часто дланью загрубелой
Оттирает он чело.
Рядом девочка-подросток
Приютилась у огня,
Грустно бледную головку
На безрукий стан склоня.
Говорит кузнец: «Вот дочка
Родилась калекой. Что ж,
Мать в могиле, дочь со мною, –
Хоть и горько, да куёшь».
«Разве так трудна работа?» –
«Не трудна, да тяжела.
Невелик мой ков для блага,
Много сковано для зла.
Вот теперь сковать я должен
Три гвоздя, – один готов.
Из-под них, – я сердцем чую, –
Заструится чья-то кровь.
Я предвижу крест позорный,
Пригвозжён на нём Один, –
Кто-то шепчет мне, что это,
О Страдалица, твой сын!»
С криком ужаса Младенца
Уронила Божья Мать.
Быстро девочка вскочила,

чтоб Малютку поддержать, –
и свершилось чудо! Прежде,
чем пришло на память ей,
что порыв её напрасен, –
От склонившихся плечей
Отросли внезапно руки,
и на них упал Христос.
«Ах, кузнец, теперь ты счастлив,
Мне же – столько горьких слёз!»
«Царевной мудрой Ариадной...»
Царевной мудрой Ариадной
Царевич доблестный Тезей
Спасён от смерти безотрадной
Среди запутанных путей:
К его одежде привязала
Она спасительную нить, –
Перед героем смерть стояла,
Но не могла его пленить,
и, победитель Минотавра,
Свивая нить, умел найти
Тезей к венцу из роз и лавра
Прямые, верные пути.
А я – в тиши, во тьме блуждаю,
и в лабиринте изнемог.
И уж давно не понимаю
Моих обманчивых дорог.
Всё жду томительно: устанет
Судьба надежды хоронить,
Хоть перед смертью мне протянет
Путеводительную нить, –
и вновь я выйду на свободу,
Под небом ясным умереть
и, умирая, на природу
Глазами ясными смотреть.
«На ступени склонясь, у порога...»
На ступени склонясь, у порога
Ты сидишь, и в руке твоей ключ:
Отомкни только двери чертога,
и ты станешь богат и могуч!
Но отравлен ты злою тревогой
и виденьями дня опьянён,
и во всё, что мечталось дорогой,
Безнадёжно и робко влюблён.
Подойду я к пределу желаний
На заре беззаботного дня,
и жестокие дни ожиданий
Навсегда отойдут от меня.
Неужели тогда захочу я
Исполненья безумной мечте?
Или так же, безмолвно тоскуя,
Застоюсь на заветной черте?
«Чем бы и как бы меня ни унизили...»
чем бы и как бы меня ни унизили,
что мне людские покоры и смех!
К странным и тайным утехам приблизили
Сердце моё наслажденье и грех.
Пусть пред моею убогою хижинкой
Сильных и гордых проходят пути, –
Счастлив я, бедный и миром униженный,
Некуда мне мою радость нести.
«Настроений мимолётных...»
Настроений мимолётных
Волны зыбкие бегут
и стремлений безотчетных
Пену мутную влекут.
Их борьбой нетерпеливой
Как душа утомлена!
Как тревогою ревнивой

О промчавшемся полна!
Задержи полёт докучный
Исчезающих часов.
Лаской, негой, песней звучной,
О, волшебница любовь!
Отгони своим дыханьем
Звуки жизни, злые сны,
И повеи очарованьем
Расцветающей весны.
Очаруй мой дух унылый,
Утомлённый и больной,
Грёзой девственной и милой,
Небледнеющей мечтой!
«Чем звонче радость, мир прелестней...»
Чем звонче радость, мир прелестней
И солнце в небе горячей,
Тем скорбь дружнее с тихой песней,
Тем грёзы сердца холодней. Холодный ключ порою жаркой
Из-под горы, играя, бьёт,
И солнца блеск надменно-яркий
Согреть не может ясных вод. Земли таинственная сила
На свет источник извела,
И навсегда заморозила
От обаяния тепла.
«В бездыханном тумане...»
В бездыханном тумане,
Из неведомых стран
На драконе-обмане
Налетел великан.
Принахмурились очи,
Как бездомная ночь,
Но не видно в них мочи
Победить, превозмочь.
Он громадной рукою
Громового меча
Не подымет для бою,
Не взмахнёт им сплеча.
В бездыханном тумане,
Из неведомых стран
На драконе-обмане
Налетел великан.
«К толпе непонятной и зыбкой...»
К толпе непонятной и зыбкой
Приветливо взоры склоня,
С балкона случайной улыбкой
Порадовал кто-то меня.
Заметил я смуглую щёку,
Волос распустившихся прядь, –
И шумному, злому потоку
Толпы отдаюсь я опять,
И в грохот и ропот столицы
Несу неожиданный свет.
Мечте исполнения нет,
Но радость моя без границы.
«Дети радостей и света...»
Дети радостей и света,
Нет границ вам, нет завета,
□□Нет помех, –
Вы и в городе храните,
На асфальте, на граните
□□Резвый смех.
Посреди толпы болтливой
Вы с улыбкою счастливой
□□Надо мной,
И за вашу оградой
В шумный мир иду с отрадой
□□Неземной.
«Снова сердце жаждет воли...»

Снова сердце жаждет воли
Ненавидеть и любить,
Изнывать от горькой боли,
Преходящей жизнью жить,
Созидать себе обманы, –
Ряд земных туманных снов,
Незалеченные раны
Прятать в россыпи цветов, –
И томясь тоской щемящей
И желаньями полно,
Смерти, тайно предстоящей,
Устрашается оно.
«Для чего говорить! Холодны...»
Для чего говорить! Холодны
□□И лукавы слова,
Как обломки седой старины,
□□Как людская молва.
Для чего называть? Мы одни, –
□□Только зорями щёк,
Только молнией глаз намекни, –
□□И пойму я намёк.
И во мне, точно в небе звезда,
□□Затрепещет опять,
Но того, что зажжётся тогда,
□□Не сумею назвать.
«Не опасайтесь шулки смелой...»
Не опасайтесь шулки смелой,
Но бойтесь шулки шутовской,
Пред сильным – рабски онемелой
Пред слабым – нагло разбитной.
Она клеймит, она марает,
Не понимает красоты,
И клеветы не отличает
От малословной правоты.
Пред ней открыться – это хуже,
Чем на базаре голым быть,
Или купаться в грязной луже,
Иль зачумленную любить.
Муки Тантала
Стоит он, жаждой истомлённый,
Изголодавшийся, больной, –
Под виноградною лозой,
В ручей по пояс погружённый,
И простирает руки он
К созревшим гроздьям виноградным, –
Но богом мстящим, беспощадным
Навек начертан их закон:
Бегут они от рук Тантала,
И выпрямляется лоза,
И свет небес, как блеск металла,
Томит молящие глаза...
И вот Тантал нагнуться хочет
К холодной радостной струе, –
Она поет, звенит, хохочет
В недостигаемом ручье.
И чем он ниже к ней нагнётся,
Тем глубже падает она, –
И пред устами остаётся
Песок обсохнувшего дна.
В песок сыпучий и хрустящий
Лицом горячим он поник, –
И, безответный и хрипящий,
Потряс пустыню дикий крик.
«К долине мрачной, под огнями...»
К долине мрачной, под огнями
Печальных и тревожных звёзд,
Моими знойными мечтами
Соорудил я гордый мост,

И, что ни ночь, к его воротам
я торопился подойти.
Душою охладев к заботам
Дневного пыльного пути.
В долине той себе кумира
я из печали сотворил,
и не искал иного мира,
иных, блистательных светил.
«Блаженство мне – мои страданья...»
Блаженство мне – мои страданья.
Предтечи смерти – увяданья
С отрадой вижу я черты.
Так увядание берёзы
Ее листву оденет в грёзы
Неизъяснимой красоты.
«Стояли клёны в тяжком забытьи...»
Стояли клёны в тяжком забытьи,
□□Цветы пестрели,
С травой шептались ясные ручьи,
□□Струясь без цели,
Над нивой и рекой обрывки туч,
□□Скользя, бежали,
И золотил их коймы поздний луч
□□Зарёй печали.
«Прощая жизни смех злорадный...»
Прощая жизни смех злорадный
И обольщенья звонких слов,
я ухожу в долину снов,
К моей невесте беспощадной.
Она о муках говорит,
Её чертоги – место пыток,
Её губительный напиток
Из казней радости творит.
Наследие обета
Легенда
Неожиданным недугом
□□Тяжко поражён,
В замке грозно-неприступном
□□Умирал барон.
По приказу господина
□□Вышли от него
Слуги, с рыцарем оставив
□□Сына одного.
Круглолицый, смуглый отрок
□□На колени стал, –
и барон грехов немало
□□Сыну рассказал.
Он малюток неповинных
□□Крал у матерей
и терзал их перед дикой
□□Дворнею своей, –
Храмы грабил, из священных
□□Чаш он пил вино, –
Счёт супругам оскорблённым
□□Потерял давно.
Так барон, дрожа и плача,
□□Долго говорил, –
и глаза свои стыдливо
□□Отрок-сын склонил.
Рдели щёки, и ресницы
□□Осеняли их,
Как навесы пальм высоких,
□□Жар пустынь нагих.
Говорил барон: «Познал я
□□Мира суету, –
Вижу я себя на ветхом,
□□Зыблемом мосту,
Бедных грешников в мученьях

□□Вижу под собой.
Рухнет мост, и быть мне скоро
□□В бездне огневой.
И воззвавши к Богу, дал я
□□Клятву и обет,
Клятву – сердцем отрешиться
□□От минувших лет,
И обет – к Святому Гробу
□□В дальние пути,
Необутыми ногами
□□Зло моё снести.
И мои угасли силы,
□□Не свершён обет,
Но с надеждой покидаю,
□□Сын мой, этот свет:
Мой наследник благородный,
□□Знаешь ты свой долг...»
И барон в изнеможеньи,
□□Чуть дыша, умолк.
Поднялся и молча вышел
□□Отрок. Рыцарь ждёт
И читает Символ веры...
□□Время медленно идёт.
Вдруг открылась дверь, и входит
□□Сын его в одной
Шерстяной рубахе, с голой
□□Грудью, и босой.
Пред отцом склонив колени,
□□Говорит: «Клянусь,
что босой, в одной рубахе
□□Грубой остаюсь
До поры, когда увижу
□□Иерусалим,
Где я вымолю прощенье
□□Всем грехам твоим
я жестоким бичеваньям
□□Обрекаю плоть,
Чтоб страданиями моими
□□Спас тебя Господь,
И, зажжённую свечою
□□Озаряя путь,
Не помыслию даже в праздник
□□Божий отдохнуть:
Отдохну, когда увижу
□□Иерусалим,
Где я вымолю прощенье
□□Всем грехам твоим.
И не буду я на мягком
□□Ложе почивать
Только хлеб один с водою
□□Буду я вкушать,
Буду гнать с лица улыбку
□□И, чужой всему,
На красу земли и неба
□□Глаз не подыму:
Улыбнусь, когда увижу
□□Иерусалим,
Где я вымолю прощенье
□□Всем грехам моим».
«Мечтаю небом и землёй...»
Мечтаю небом и землёй,
Восходом, полднем и закатом,
Огнём, грозой и тишиной,
И вешним сладким ароматом,
И промечтаю до конца,
И, мирно улыбаясь жизни,
Уйду к неведомой отчизне,
В чертоги мудрого Отца.

«Как тучки в небе, в сердце тают...»
Как тучки в небе, в сердце тают
Желанья гордые мои,
И голоса мечты смолкают,
Как на рассвете соловьи.
Забыв надменные порывы,
Ловя попутную струю,
Стремлю в покойные заливы
□□Мою ладью, –
И там, где тёмной тенью вётел
я буду кротко осенён,
Всё то, чем душу я заботил,
Отвечет непробудный сон.
«Покрыла зелень ряски...»
Покрыла зелень ряски
Дремотный, старый пруд, –
Я жду, что оживут
Осмеянные сказки:
Русалка приплывёт,
Подыметесь, нагая,
Из сонных тёмных вод
И запоёт, играя
Зелёною косой,
А в омуте глубококом
Сверкнет огромным оком
Ревнивый водяной...
Но тихо дремлет ряска,
Вода не шелохнёт, –
Прадедовская сказка
Вовек не оживёт.
«Не люблю, не обольщаюсь...»
Не люблю, не обольщаюсь,
Не привязываюсь к ним,
К этим горько-преходящим
Наслаждениям земным.
Как ребёнок развлекаюсь
Мимолётною игрой,
И доволен настоящим, –
Полднем радостным и тьмой.
«Состязаясь, толпа торопливо бежит...»
Состязаясь, толпа торопливо бежит,
И в ней каждый стремлением диким трепещет,
К этой чаше, которая ярко блестит
И в которой напиток губительный плещет.
За неё неизбывную злобу питать,
К ней тянуться по трупам собратий,
И, схвативши с восторгом её, услышать
Стоны зависти злобной и вопли проклятий!
О безумная ложь! О бессмысленный грех!
Да не стоит она этих жертв изобильных,
Эта чаша с напитком, желанным для всех,
Но доступным лишь только для грубых и сильных.
«Иду я влажным лугом...»
Иду я влажным лугом.
Томят меня печали.
Широким полукругом
Развёрнутые дали,
Безмолвие ночное
С пленительными снами,
И небо голубое
С зелёными краями, –
Во всём покой и нега,
Лишь на сердце тревога.
Далёко до ночлега.
Жестокая дорога!
Афазия
Страны есть, недостижимые
Для житейской суеты.

Там цветут неизъяснимые
Обаянья и мечты.
Там всё дивное, нездешнее,
Нет печалей и тревог;
Там стоит, как чудо вешнее,
Зачарованный чертог.
Обитает в нем фантазия.
Но из тех блаженных стран
Стережет пути Афазия,
Облечённая в туман.
И когда с небес изгнанником
Утомлённый дух летит,
Предстаёт она пред странником,
Принимает грозный вид,
И слова, слова небесные
Отымает от него,
Чародейные, чудесные, –
Все слова до одного.
«Скоро солнце встанет...»
Скоро солнце встанет,
В окна мне заглянет,
Но не буду ждать, –
Не хочу томиться:
Утром сладко спится, –
Любо сердцу спать.
Раннею порою
Окон не открою
Первому лучу.
С грёзою полночной,
ясной, беспорочной,
Задремать хочу.
Дума в грёзе тонет.
На подушку клонит
Голову мою..
Преде мной дороги,
Реки и чертоги
В голубом краю.
В склепе
Мельканье изломанной тени,
Испуганный смертью взор.
Всё ниже и ниже ступени,
Всё тише рыдающий хор.
Нисходят крутые ступени,
Испуган разлукою взор.
Дрожат исхудалые руки,
Касаясь холодной стены.
Протяжным стенаньем разлуки
Испуганы тёмные сны.
Протяжные стоны разлуки
Дрожат у холодной стены.
Под чёрной и длинной вуалью
Две урны полны через край..
О песня, надгробной печалью
Былую любовь обвевай!
Отравлено сердце печалью,
Две урны полны через край.
«Твоих немых угроз, суровая природа...»
Твоих немых угроз, суровая природа,
□□никак я не пойму.
От чахлой жизни жду блаженного отхода
□□К покою твоему,
И каждый день меня к могиле приближает,
□□Я каждой ночи рад, –
Но душу робкую бессмысленно пугает
□□Твой неподвижный взгляд.
«Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать...»
Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать,
□□Как не нужен мне мир и постыл,

Как мне трудно идти, как мне больно дышать,
□□Как мне страшно крестов и могил.
И напрасно мечта в опечаленной мгле
□□Мне твои озаряет черты, –
Далека ты, невеста! На грешной земле
□□И тоска, и беда разлиты.
«Словами горькими надменных отрицаний...»
Словами горькими надменных отрицаний
Я вызвал Сатану. Он стал передо мной
Не в мрачном торжестве проклятых обаяний, –
Явился он, как дым, клубящийся, густой.
Я продолжал слова бесстрашных заклинаний, –
И в дыме отрок стал, прекрасный и нагой,
С губами яркими и полными лобзаний,
С глазами, тёмными призывною тоской.
Но красота его внушала отвращенье,
Как гроб раскрашенный, союзник злого тленья,
И нагота его сверкала, как позор.
Глаза полночные мне вызов злой метали,
И принял вызов я, – и вот, борюсь с тех пор
С царём сомнения и пламенной печали.
«После жизни недужной и тщетной...»
□□После жизни недужной и тщетной,
□□После странных и лживых томлений,
□□Мы забудемся сном без видений,
□□Мы потонем во тьме безответной,
И пускай на земле, на печальном просторе
Льются слёзы людские, бушует ненастье:
Не найдет нас ни бледное, цепкое горе,
□□Ни шумливо-несносное счастье.
«Я зажгу восковую свечу...»
Я зажгу восковую свечу,
И к Творцу моему воззову,
Преклоняя главу и колени.
Бытия моего не хочу,
Жития моего не прерву,
До последней пройду все ступени.
Только воля Господня и есть,
И не я выбирал этот путь,
И куда он ведёт, я не знаю, –
И спешу я молитвы прочесть,
И не смею в ночи отдохнуть,
И главу, и колени склоняю.
«В райских обителях – блеск и сиянье...»
В райских обителях – блеск и сиянье:
Праведных жён и мужей одеянье
□□Всё в драгоценных камнях.
Эти алмазы и эти рубины
Скованы в небе из дольной кручины, –
□□Слёзы и кровь в их огнях.
Ангел-хранитель! Куёшь ты прилежно
□□Слёзы и кровь, –
Ах, отдохни ты порой безмятежно,
Царский венец не всегда мне готовь.
Меньше алмазом в обителях рая,
□□Ангел, поверь, мне не стыд.
Бедную душу недоля земная
Каждую лишней слезою томит.
«Сияя счастьем самохвальным...»
Сияя счастьем самохвальным
Поспешно-зыбкой красоты,
По небесам моим печальным
Заря рассеяла цветы.
Повеял мирно вечер мглистый
Забвеньем низменных тревог
И тонкой дымкой серебристой
Мои долины заволок.
Всё стало сбыточным и тайным, –

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru

Краса небес и дольный сон.
Ничем обычным и случайным
Покой души не возмущён.
«Мимолётной лаской мая...»
Мимолётной лаской мая
Наслаждайтесь, – расцветая,
Увядая, умирая, –
Дней тоской не отравляя,
Всё вокруг себя любя,
Забывая про себя.
Птичьим звучным щебетаньем,
Молодым благоуханьем,
И полуденным сияньем,
И полуночным молчаньем
Наслаждайтесь, – краток срок.
Вечный отдых не далёк.
«И светел, и весел твой путь безмятежный...»
И светел, и весел твой путь безмятежный.
Под пологом брачным свершается таинство страсти, – жестокость и радость во
взорах...
Под полостью тесной вы двое, вы мчитесь долиною снежной...
Открытые руки и плечи, восторженно-льстивые речи, и музыка где-то высоко на
горах...
Во мраке партер, и сияют подмостки, – обвеяна сказка мелодией нежной...
Беспечен твой путь, озаряемый радостью счастья.
Тапёр молчаливый, – рукою наёмною вызваны звуки веселья...
Швея за работой, – прозрачные ткани – безмолвная речь сладострастья...
Усталые слуги, – и пышно, и ярко твоё новоселье...
Твой путь искромётно беспечен, –
Мне трудны и дороги сказки:
Пожарный разбитою каской своей изувечен...
Смывает с лица проститутка непрочные краски...
Истерзанный пьяница грубою бранью любовницы встречен, –
Как трудны, как дороги сказки!
«Кто близкой смерти не боится...»
Кто близкой смерти не боится,
Тот счастья высшего достиг:
Он ожиданьем не томится,
Он к бесконечному приник.
Его желанья облетели, –
Цветы промчавшейся мечты.
К недостижимой, вечной цели
Его мечты устремлены.

Лисица
Под одеждою руки скрывая,
Как спартанский обычай велит,
И смиренно глаза опуская,
Перед старцами отрок стоит.
На минуту вопросом случайным
Задержали его старики, –
И сжимает он что-то потайным,
Но могучим движеньем руки.
Он лисицу украл у кого-то, –
И лисица грызет ему грудь,
Но у смелого только забота –
Стариков, как и всех, обмануть.
Удалось! Он добычу уносит,
Он от старцев идет, не спеша, –
И живую лисицу он бросит
Под намет своего шалаша.
Проходя перед злою толпою,
Я сурово печаль утаю,
Равнодушием внешним укрою
Ото всех я кручину мою, –
И пускай она сердце мне гложет,
И пускай её трудно скрывать,
Но из глаз моих злая не сможет
Унизительных слёз исторгать.

я победу над ней торжествую
и уйти от людей не спешу, –
я печаль мою злую, живую
Принесу к моему шалашу,
и под тёмным наметом я сброшу,
Совершив утомительный путь,
Вместе с жизнью жестокою ношу,
Истомившую гордую грудь.
«Вчера в бессилие печали...»
Вчера в бессилие печали
я был угрюмо погружён, –
Слова докучные звучали,
и чьи-то тяжкие шаги.
Из-за угла за мной следили
Глаза неутомимых жён,
За мной по улицам ходили
Неумолимые враги.
«Вне миров проносился...»
Вне миров проносился
Неразгаданный сон.
Никому не приснился
Никогда еще он.
Непреклонною волей
Он стремился вдали
От небесных раздолий
И от тесной земли.
Он бежал человека,
Бытия не желал,
Но от века до века
Всё кого-то искал.
«Кто дал мне это тело...»
Кто дал мне это тело
и с ним так мало сил,
и жаждой без предела
Всю жизнь мою томил?
Кто дал мне землю, воды,
Огонь и небеса,
и не дал мне свободы,
и отнял чудеса?
На прахе охладелом
Былого бытия
Природою и телом
Томлюсь безумно я.
«Я от мира отрекаюсь...»
Я от мира отрекаюсь,
Покрываюсь тёмной схимой
и душою устремляюсь
в тот чертог недостижимый,
Где во мгле благоуханий,
в тихом трепете огней
Входит бледный рой мечтаний
в круг больных и злых теней.
«Грустная светит луна...»
Грустная светит луна,
Плещется тихо волна,
и над рекою туман.
Тяжко задумался лес.
Хочется сердцу чудес,
Грезится милый обман.
«Я смотрю в немую твердь...»
Я смотрю в немую твердь,
где лазурными очами
и блестящими лучами
Улыбается мне смерть.
Там прозрачно тучи тают,
Там покорно и мертво,
Там багряно умирают
Грёзы сердца моего...

«В томленьях жизни несчастливой...»

В томленьях жизни несчастливой
Меня забавишь только ты,
О муза дивно-прихотливой
□□□Мечты!

В разгаре грусти безнадежной
Ты предстаёшь душе моей,
Ее пленяя лаской нежной
Мир озаряющих лучей.
Забыты жгучие обиды,
В душе смолкает гордый гнев,
Как перед взорами Киприды
□□Пленённый лев.

«Для чего в этот пасмурный день...»

□□Для чего в этот пасмурный день
□□Вдохновенье венчало меня?
□□□Только смутная тень
□□На душе от порочного дня.
И напрасно кипит напряжённо мечта, –
□□Этот мир и суров, и нелеп:
□□Он – немой и таинственный склеп,
Над могилой, где скрыта навек красота.
□□Над могилой лампада горит, –
Но к чему мне её вопрошающий свет,
□□Если каменным холодом плит
Умерщвлённый кумир мой бездушно одет?
Больной ребёнок
Я – недужный ребёнок. В постели
Мне неловко и больно лежать.
Горячо мои щёки зардели.
Приласкай, приласкай меня, мать!
Нет, не надо, – тяжёлые руки
Отыми от горячей груди,
Позабудь про сыновние муки,
И уйди, – дорогая, уйди.
Я поглубже в подушки зареюсь,
Я глаза поплотнее зажму
И в стыдливых мечтах успокоюсь, –
Не мешай же ты сну моему...

Слова

В середине сумрачной зимы,
Когда седая вьюга злилась,
Под вечерок собрались мы, –
И за полночь беседа длилась.
Про всё, что в мире той порой
Свершалось доброго иль злого,
Была у нас в беседе той
Речь благородная готова.
Расстались мы, – и ночь прошла,
Нас утром встретила работа;
Неотразимая, ползла
К нам повседневная забота,
Но не смутила нас она, –
А то, чему посвящена
Была в тот день вся наша сила,
Словам ночным так чуждо было...
Довольны были мы собой, –
Нам вовсе не казалось странно,
Что честны мы в словах порой,
А в жизни – робки постоянно...
Мы с нетерпеньем будем ждать
Опять такой же мирной встречи,
Чтоб, не краснея, повторять
Свои кощунственные речи.

Звёздная даль

Очи тёмные подъемлет
Дева к небу голубому,
И, на звёзды глядя, внемлет

Чутко голосу ночному.
Под мерцаньем звёзд далёких,
Под блистающей их тайной
Вся равнина в снах глубоких
И в печали неслучайной.
К старику-отцу подходит
Дева с грустною мечтою
И про небо речь заводит:
«Беспредельность предо мною.
Где-нибудь в раздольях света,
За безмерным отдаленьем,
Есть такая же планета,
И с таким же населеньем.
Есть там зори и зарницы,
Реки, горы и долины,
Счастье, чары, чаровницы,
Грозы, слёзы и кручины.
Не оттуда ль в сердце плещет
Грёза сладостным приветом?
Вот звезда над нами блещет
Переливным ясным светом:
Это – солнце, и с землёю, –
И на той земле мечтает
Кто-то, близкий мне душою.
К нам он взоры подымает,
Нескончаемые дали
Мерит чёрными очами,
И томления печали
Отвечаются мечтами.
Он иную землю видит,
Где так ярко счастье блещет,
Где могучий не обидит,
Где бессильный не трепещет,
Где завистливой решёткой
Пир богатых не охвачен,
Где клеймом недоли кроткий
Навсегда не обозначен».
Скоро звёзды гаснуть станут,
Расточатся чары ночи,
И с тоской пугливой глянут
Размечтавшиеся очи.
«Для чего этой тленной жизнью болеть...»
Для чего этой тленной жизнью болеть
И к утехам её мимолётным стремиться?
Есть блаженство одно: сном безгрёзным забыться
□□□□Навсегда, – умереть.
Вот волна набежала на влажный песок,
Прошептала прощальный привет и разбилась;
Вот в далёком окошке потух огонёк,
□□□□Вот звезда, догорая, скатилась.
В умираючи, в безропотном этом мельканьи
Для души, безнадежно отравленной, есть
Благодатная тайна, – о вечном созданыи
□□□□Вожденная весть.
«Безотрадно тебя люблю...»
Безотрадно тебя люблю,
Я не вижу, не знаю тебя.
Отыскать я тебя не могу, –
Да и как же и где же искать?
Не умею тебя и назвать,
Только память в душе берегу,
Как однажды прошла предо мной,
Вся закрытая белой фатой...
За тобою пойти я хотел,
Но мне кто-то остаться велел...
«Светлой предутренней грёзой...»
Светлой предутренней грёзой,
Очерком тонким и нежным,

Девственно-белую розой
Светится в сердце мятежном, –
Нет, не земною женою,
Нет, не из дольных селений!
Это – туманной порою
Небом потерянный гений.
«Под холодную властью тумана...»
Под холодную властью тумана,
Перед хмурой угрозой мороза,
На цветках, не поблекнувших рано.
Безмятежная, чистая грёза.
С изнемогшей душой неразрывны
Впечатленья погибшего рая,
И по-прежнему нежно призывны
Отголоски далекого мая.
«Чем строже себя наблюдаю...»
Чем строже себя наблюдаю,
Тем лучше людей узнаю, –
И с миром теснее сплетаю
Печальную душу мою.
Припомню деяния злые
Напрасно растроченных дней, –
Мне ясны тревоги мирские
И злое безумье людей.
«Тихо сумрак набегает...»
Тихо сумрак набегает,
Звучно маятник стучит,
Кто-то ясный к нам слетает,
О нездешнем говорит...
Там, снаружи, беспокойно:
Зажигаются огни,
И шумливо, и нестройно
Бродят призраки одни.
Милых образов не видно,
Всё туманно впереди,
И глядеть туда обидно, –
От окошка отойди,
Посиди со мною рядом.
Слышишь, – маятник стучит,
Кто-то кроткий, с ясным взглядом,
О нездешнем говорит.
«Вдали, над затравленным зверем...»
Вдали, над затравленным зверем,
Звенит, словно золотом, рог.
□□ Не скучен боярыне терем,
□□ И взор её нежен и строг.
Звенит над убитым оленем,
Гремит торжествующий рог.
□□ Коса развилась по коленям,
□□ А взор и призывен, и строг.
Боярин стоит над добычей,
И рог сладкозвучен ему.
□□ О, женский лукавый обычай!
□□ О, сладкие сны в терему!
Но где же, боярин, твой кречет?
Где верный сокольничий твой?
□□ Он речи лукавые мечет,
□□ Целуясь с твоею женой.
«Всё, что ей память сохранила...»
Всё, что ей память сохранила
□□ В душевной глубине,
Быть может, снова оживила
Последних изменений сила
□□ В могильной тишине,
И сон последний, сон прощальный
Ей снится, – милый, но печальный.
«Запах асфальта и грохот колёс...»
Запах асфальта и грохот колёс,

□□Стены, камень и плиты..
О, если б ветер внезапно донёс
□□Шелест прибрежной ракушки!
Грохот на камнях и ропот в толпе, –
□□Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далёкой тропе
□□С милою мне очутиться!
Ясные очи младенческих дум
□□Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот, и ропот, и шум, –
□□Пыльная, злая дорога!
«Запоздалый ездок на коне вороном...»
Запоздалый ездок на коне вороном
□□Под окошком моим промелькнул.
Я тревожно гляжу, – но во мраке ночном
□□Напряжённый мой взор потонул.
Молодые берёзки печально молчат,
□□Неподвижны немые кусты.
В отдалении быстро копыта стучат, –
□□Невозвратный, торопишься ты.
Одинокое ложе ничем не согреть,
□□Бесполезной мечты не унять.
Ах, еще бы мне раз на тебя посмотреть!
□□Ах, еще б ты промчался опять!
«Туманный день глядит в окно...»
Туманный день глядит в окно,
В душе и пасмурно, и строго.
Воспоминания давно
Стоят угрюмо у порога
Изнемогающей души,
Не появляясь, не скрываясь, –
О днях, когда в немой глуши
Я жил, восторгами питаюсь,
Далёкий призрак возлюбя,
Мечтою обнимая тени,
И жизнь недужную губя
Стихи. Книга третья
«Передраассветный сумрак долог...»
Передраассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.
Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передраассветный долгий холод
В истоме раннего пути.
Но кто сжимает пыльный посох
Сухую старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Заворожённых тишиной!
«Побеждайте радость...»
Побеждайте радость,
Умерщвляйте смех.
Всё, в чем только сладость,
Всё – порок и грех.
Умерщвляйте радость,
Побеждайте смех.
Кто смеётся? Боги,
Дети да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы, –
Пусть смеются боги,
Дети да глупцы.
«В поле не видно ни зги...»
В поле не видно ни зги.
Кто-то зовёт: «Помоги!»
□□□Что я могу?
Сам я и беден, и мал,

Сам я смертельно устал,
□□□как помогу?
Кто-то зовёт в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
□□□легче вдвоём.
Если не сможем идти,
Вместе умрём на пути,
□□□Вместе умрём!»
«Отвори свою дверь...»
□□Отвори свою дверь,
И ограду кругом обойди.
□□Неспокойно теперь, –
Не ложись, не засни, подожди.
□□Может быть, в эту ночь
И тебя позовёт кто-нибудь.
□□Поспешешь ли помочь?
И пойдёшь ли в неведомый путь?
□□Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьме, за стеной
□□Станет кто-нибудь звать,
Одинокий, усталый, больной.
□□Выходи к воротам
И фонарь пред собою носи.
□□Хоть бы сгинул ты сам,
Но того, кто взывает, спаси.
«Я лицо укрыл бы в маске...»
Я лицо укрыл бы в маске,
Нахлобучил бы колпак,
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца, –
Все, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головой,
Я помчался б, приседая,
Дробь ногами выбивая,
Пред хохочущей толпой.
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?
Или это вражья сила
Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?
«Для чего в пустыне дикой...»
Для чего в пустыне дикой
Ты возник, мой вешний цвет?
Безнадёжностью великой
Беспощадный веет свет.
Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярым чарам,
Мир дрожит в его лучах.
Милый цвет, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинок, –
Скоро венчик ты уронишь
На сухой и злой песок.
Для чего среди пустыни
Ты возник, мой вешний цвет,
Если в мире нет святыни,
И надежды в небе нет?
«В одежде пыльной пилигрима...»

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идёт,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперёд, –
И, чередуясь мерно, дали
Встанут всё новые пред ним,
Неистошмы, как печали, –
И всё далек Ерусалим..
В путях томительной печали,
Стремится вечно род людской
В недосыгаемые дали,
К какой-то цели роковой.
И создаёт неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.
«Вижу зыбку над могилой...»
Вижу зыбку над могилой,
Знаю, – мать погребена,
И ребёнка грудью хилой
Не докормит уж она.
Нет младенца в колыбели,
Крепко спит в могиле мать, –
Только зимние метели
Станут зыбку подымать.
Эта зыбка и могила, –
В них мой образ вижу я:
Умерла былая сила,
Опустела жизнь моя, –
Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной,
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной.
«На нем изношенный кафтан...»
На нем изношенный кафтан
□□И шапка колпаком,
Но весь он зыбкий, как туман,
□□И нет лица на нём.
Не слышно голоса его,
□□Не видно рук и ног,
И он ступить ни у кого
□□Не смеет на порог.
Не подойдёт и не пройдёт
□□Открыто впереди, –
Он за углом в потёмках ждёт,
□□Бежит он позади,
Его никак не отогнать,
□□Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать да плясать
□□Беззвучно за спиной.
«Мне страшный сон приснился...»
Мне страшный сон приснился, –
Как будто я опять
На землю появился
И начал возрастать, –
И повторился снова
Земной ненужный строй
От детства голубого
До старости седой:
Я плакал и смеялся,
Играл и тосковал,
Бессильно порывался,
Беспомощно искал.
Мечтою облелеян,
Желал высоких дел, –
И, братьями осмеян,
Вновь проклял свой удел.
В страданиях усладу

Нашёл я кое-как,
И мил больному взгляду
Стал замогильный мрак, –
И, кончив путь далёкий,
Я начал умирать, –
И слышу суд жестокий:
«Восстань, живи опять!»
«Просыпаюсь рано...»
Просыпаюсь рано, –
Чуть забрезжил свет,
Тёмно от тумана, –
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, –
Спой мне, спой мне, мама:
«Баюшки-баю!»
Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придёт родная, –
Что ж, и сам спую,
Горе усыпляя:
«Баюшки-баю!»
Сердце истомилось.
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я – дитя опять,
Собираю что-то
В голубом краю,
И поёт мне кто-то:
«Баюшки-баю!»
Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грёзам я бесстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьёт мою,
Шепчет кто-то нежный:
«Баюшки-баю».
Наступает томный
Пробужденья час.
День грозитя тёмный, –
Милый сон погас.
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
«Баюшки-баю!»
«Порою туманной...»
Порою туманной,
Дорогою трудной
□□Иду!
О, друг мой желанный,
Спаситель мой чудный, –
□□Я жду!
Мгновенное племя,
Цветут при дороге
□□Мечты.
Медлительно время,
И сердце в тревоге, –
□□А ты,
Хоть смертной тропюю,
В последний, жестокий
□□Мой день,
Пройди предо мною,
Как призрак далёкий,
□□Как тень!
«На серой куче сора...»

На серой куче сора
У пыльного забора
На улице глухой
Цветёт в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.
В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвёл.
«Былые надежды почили в безмолвной могиле...»
Былые надежды почили в безмолвной могиле...
Бессильные страхи навстречу неведомой силе,
Стремленье к святыне в безумной пустыне,
И всё преходяще, и всё бесконечно,
□□□И тайна всемирная ныне
□□□□И вечно...
В тяжёлом томлении мгновенные дети творенья.
Томятся неясным стремленьем немые растенья,
И голодны звери в лесах и пустыне,
И всё преходяще, и всё бесконечно,
□□□И муки всемирные ныне
□□□□И вечно.
«Друг мой тихий, друг мой дальний...»
Друг мой тихий, друг мой дальний,
□□Посмотри, –
Я холодный да печальный
□□Свет зари.
Я напрасно ожидаю
□□Божества, –
В бледной жизни я не знаю
□□Торжества.
Над землю скоро встанет
□□Ясный день,
И в немую бездну канет
□□Злая тень, –
И безмолвный, и печальный,
□□Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальний,
□□Я умру.
«Живи и верь обманам...»
Живи и верь обманам,
И сказкам и мечтам.
Твоим душевным ранам
Отрадный в них бальзам.
И жизни переменной
Нектар кипучий пей,
Напиток сладкопенный
желаний и страстей.
За грани жизни дольной
очей не устремляй,
И мыслью своевольной,
Природы не пытай.
Вещают тайну тени.
Для смелого ума
В них смертные ступени,
Предсказанная тьма.
О, смертный, верь обманам,
И сказкам, и мечте,
Дивись мирским туманам,
Как вечной красоте.
«Устав брести житейскою пустыней...»
Устав брести житейскою пустыней,
□□□□но жизнь любя,
Смотри на мир, как на непрочный иней,
□□□□не верь в себя.

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru

Разлей отраву дерзких отрицаний

□□□□На ткань души,

И чувство тождества своих сознаний

□□□□Разбить спешу.

Не верь, что тот же самый был ты прежде,

□□□□Что и теперь,

Не доверяйся радостной надежде,

□□□□Не верь, не верь!

Живи и знай, что ты живёшь мгновеньем,

□□□□Всегда иной,

Грядущим тайнам, прежним откровеньям

□□□□Равно чужой.

И думы знойные о тайной цели

□□□□Всебытия

Умрут, как звон расколотой свирели

□□□□На дне ручья.

«Не надейся, не смущайся...»

Не надейся, не смущайся,

Преходящим не прельщайся,

Без печали дожидайся

Утешительного сна.

Всё, чем жизнь тебя манила,

Обмануло, изменило, –

Неизбежная могила

Не обманет лишь одна.

«Забыт костер в лесной поляне...»

Забыт костер в лесной поляне:

Трещат иссохшие сучки,

По ним в сереющем тумане

Перебегают огоньки,

Скользят, дрожат, траву лобзают,

В неё ползут и здесь, и там,

И скоро пламя сообщают

Ещё могучим деревьям.

И я, томясь в немой кручине,

Изнемогая в тишине,

В моей безвыходной пустыне

Горю на медленном огне.

О, если б яростным желаньям

Была действительность дана, –

Каким бы тягостным страданьям

Земля была обречена!

«Влачится жизнь моя в кругу...»

Влачится жизнь моя в кругу

Ничтожных дел и впечатлений,

И в море вольных вдохновений

Не смею плыть и не могу.

Стою на звучном берегу,

Где ропщут волны песнопений,

Где веют ветры всех стремлений,

И всё чего-то стерегу.

Быть может, станет предо мною,

Одетый пеною морскою,

Прекрасный гость из чудных стран,

И я услышу речь живую

Про всё, о чем я здесь тоскую,

Про всё, чем дивен океан.

«Жаркое солнце по небу плывёт...»

Жаркое солнце по небу плывёт.

Ночи земля утомлённая ждёт.

В теле – истома, в душе – пустота,

Воля почила, и дремлет мечта.

Где моя гордость, где сила моя?

К низшим склоняюсь кругам бытия, –

Силе таинственной дух мой предав,

Жизнью, подобной томлению трав,

Тихо живу, и неведомо мне,

Что созревает в моей глубине.

«Кругом обставшие меня...»
Кругом обставшие меня
Всегда безмолвные предметы,
Лучами тайного огня
Вы осиянны и согреты.
Безумно-радостной мечтой
Себя пред вами забавляю, –
За вашей грубой пеленой
Нездешний мир я различаю.
От места к месту я иду,
Природу строго испытую,
И сокровенного всё жду,
И с тем, что явлено, враждую.
Вовек, быть может, обрести
Предвечной тайны не сумею,
Но к ней ведущие пути
Я не исследовать не смею.
Иду в пустынные места,
Где жизнь всё та же, что и прежде,
И шуму каждого листа
Внимаю в трепетной надежде.
К закату дня устав искать,
Не находя моей святыни,
Спешу в мечтаниях создать
Черты таящейся богини.
Какой-то давний, вещий сон
Припоминаю слабо, смутно:
Вот, вот маячит в сердце он, –
И погасает поминутно...
Или надежды устремлять
К тебе, таинственно грядущей,
К тебе, святую благодать
Успокоения несущей?
И только ты в заветный срок,
Определив конец дорогам,
Меня поставишь на порог
Перед неведомым чертогом?
«Под звучными волнами...»
Под звучными волнами
Полночной темноты
Далёкими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветёт любовь моя,
И счастья земного
Как прежде жажду я.
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.
Обвеянный прохладой
В немом её саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищу тропинок,
Где травы проросли, –
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.
И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.
Глаза её тоскуя
Во тьму мою глядят.
В ночи её бессонной
Внезапные мечты, –

В косе незаплетённой
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять её не смею,
Таю любовь мою.
«Отрок сидит у потока...»
Отрок сидит у потока.
Ноги целует волна.
Сказки о скрытом глубоко
Тихо лепечет она.
«Что же томиться тревогой,
Вздохи стесняя в груди!
Тихой подводной дорогой
Смело отсюда уйди.
Эти отребья пусть канут
В омут глубокий на дне.
Дивные дива предстанут
Перед тобой в глубине.
На землю там непохоже,
И далеко от небес.
Людям изведать негоже
Тайну подводных чудес.
Наши подводные чудеса,
Правда, нетрудно узнать,
Но уж вернуться оттуда
Ты не захочешь опять.
Все усмиривши тревоги,
Все успокоив мечты,
С тихой и тайной дороги
Век не воротись ты».
«На песке прихотливых дорог...»
На песке прихотливых дорог
От зари догорающий свет
Озарил, расцветил чьих-то ног
□□Тонкий след...
Может быть, здесь она проходила,
Оставляя следы на песке,
И помятый цветок проносила
□□На руке.
Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась
И далёкому, тайному звуку
□□Отдалась.
Тосковали на нежной ладони
Молодой, но жестокой руки
По своей ароматной короне
□□Лепестки...
Молодую и чуждой печалью
Не могу я души оживить
И того, что похищено далью,
□□Воротить.
Мне об ней ничего не узнать,
Для меня обаяния нет.
Что могу на земле различать?
□□Только след.
«Иди в толпу с приветливою речью...»
Иди в толпу с приветливою речью
□□И лицемерь,
На опыте всю душу человечью
□□До дна измерь.
Она узка, темна и несвободна,
□□Как тёмный склеп,
И тот, кто час провёл в ней неисходно,
□□Навек ослеп.
И ты поймёшь, какое врачеванье –
□□В окно глядеть
Из тьмы души на птичье ликование,

□□И сметь, и петь.
«Быть с людьми – какое бремя!..»
□□Быть с людьми – какое бремя!
О, зачем же надо с ними жить!
□□Отчего нельзя всё время
Чары деять, тихо ворожить,
□□Погружаться в созерцанье
Облаков, и неба, и земли,
□□Быть, как ясное молчанье
Тихих звёзд, мерцающих вдали!
«Он тёмн и суров, – и взор его очей...»
Он тёмн и суров, – и взор его очей,
Пугая чистых дев и радостных детей,
Прельщает зрелых жён, и отроков порочных
Тревожит в сонной мгле мечтаний полуночных.
В очах его тоска, и бледен цвет лица.
Потупит очи он – похож на мертвеца.
Черты его лица смешны и безобразны, –
Но им волнуют жён и отроков соблазны.
«Я ухо приложил к земле...»
Я ухо приложил к земле,
Чтобы услышать конский топот, –
Но только ропот, только шёпот
Ко мне доходит по земле.
Нет громких стуков, нет покоя,
Но кто же шепчет, и о чём?
Кто под моим лежит плечом
И уху не даёт покоя?
Ползет червяк? Растёт трава?
Вода ли капает до глины?
Молчат окрестные долины,
Земля суха, тиха трава.
Пророчит что-то тихий шёпот?
Иль, может быть, зовёт меня,
К покою вечному клоня,
Печальный ропот, темный шёпот?
«Я не спал, – и звучало...»
Я не спал, – и звучало
□□За рекой,
Трепетало, рыдало
□□Надо мной.
Это пела русалка,
□□А не ты.
И былого мне жалко,
□□И мечты.
До зари недалёкой
□□Как заснуть!
Вспоминал я жестокий,
□□Долгий путь.
А русалка смеялась
□□За рекой, –
Нет, не ты издевалась
□□Надо мной.
«Засмеёшься ли ты, – мне невесело...»
Засмеёшься ли ты, – мне невесело,
Но печаль моя станет светла,
Словно бурное море завесила
Серебристая лёгкая мгла.
На меня ль поглядишь, – мне нерадостно,
Но печаль моя станет светла,
Словно к сердцу болящему сладостно
Благодать от небес низошла.
«Не ужасай меня угрозой...»
Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навек останься лёгкой грёзой,
Не воплощайся никогда,
Храни безмерные надежды,

Звездой далёкою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвилились.
«Если трудно мне жить, если больно дышать...»
Если трудно мне жить, если больно дышать,
Я в пустыню иду – о тебе помечтать,
О тебе рассказать перелётным ветрам,
О тебе погадать по лесным голосам.
Я позвал бы тебя, – не умею назвать;
За тобой бы послал, – да не смею послать;
Я пошёл бы к тебе, – да не знаю пути;
А и знал бы я путь, – так боялся б идти.
Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забыл и сокрытого жду, –
И безмолвная смерть поцелует меня,
И к тебе уведёт, тишиной осеня.
«Холод повеял в окно...»
□□Холод повеял в окно, –
□□И затворилось оно.
Снова один я, и в мире живом,
И не обманут промчавшимся сном.
□□Снова я грустен и нем.
□□Где же мой кроткий Эдем?
Пёстрым узором напрасно дразня,
Тёмные стены глядят на меня.
□□Скучная лампа горит.
□□Скучная книга лежит.
«Закрывая глаза, я целую тебя...»
Закрывая глаза, я целую тебя, –
□□Бестелесен и тих поцелуй.
Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
□□В колыханьи тумана и струй.
Я плыву на ладье, – и луна надо мной
□□Подымает печальный свой лик;
Я плыву по реке, – и поник над рекой
□□Опечаленный чем-то тростник.
Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой, –
□□И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой,
□□И когда ты мне молвишь: «Причалъ».
Этот призрачный лес на крутом берегу,
□□И поля, и улыбка твоя –
Бестелесное всё. Я забыть не могу
□□Бесконечной тоски бытия.
«Мелькающие годы...»
Мелькающие годы,
Томителен ваш лад.
Как поздней непогоды
Тоскующий наряд.
Протягивая руки,
С надеждою в глазах,
Несбыточной науки
Я ждал в ночных путях, –
И чар полночных сила
Несла мне свой покой,
И сердце примирила
С безвыходной судьбой.
Но я, неблагодарный,
Уставши тайной жить,
С насмешкою коварной
Стал тайну поносить, –
И в мир полдневной скуки
Бежал поспешно я
От радостной науки
Ночного бытия.
И сердце взволновалось,
В огне внезапном кровь, –
Нежданная примчалась

Проказница-любовь,
Но крик её весёлый
Меня остановил,
И стан её дебёлый
Мечты мои убил.
Я робко отрекаюсь
От злых её тревог,
И быстро возвращаюсь
В полночный мой чертог.
«Круг начертан, и Сивилла...»
Круг начертан, и Сивилла
Предстоящим духам тьмы
Заклинанья совершила,
И теперь всеильны мы:
Нам послушны силы злые,
Близки мы и к небесам, –
Только б низменно-земные
Не подкрались чувства к нам,
Только б, волю дав мечтаньям,
И земную красоту
Подарив своим желаньям,
Вдруг, назло моим гаданьям,
Не шагнуть мне за черту.
«Я шел безнадёжной дорогой...»
Я шел безнадёжной дорогой,
Когда ещё день не погас.
Горел во мне думою строгой
Вечерний томительный час.
И вдруг декорацией плоской
Мне всё показалось тогда, –
Заря протянулась полоской,
И блёсткой блеснула звезда,
И небо завесой висело,
Помостом лежала земля, –
Но тайная сила кипела,
Кулисы порой шевеля.
Она лицемерно таилась,
И меж декораций порой,
Невидима миру, грозилась
Предвечною, дикою мглой.
«Я здесь один, жесток мой рок...»
Я здесь один, жесток мой рок,
А ты покоишься далече, –
Но предустановлен Богом срок,
Когда свершиться нашей встрече.
В пыли томительных дорог
Окончив путь из веси дальной,
Ты станешь тихо на порог
Моей обители печальной.
В невозмутимой тишине,
К мерцанью свеч из мрака ночи
Ты подойдешь, потупив очи,
Ты ничего не скажешь мне.
Не засияют ярче свечи,
И за окном не дрогнет мрак,
И никакой дня нашей встречи
Не будет явлен внешний знак,
Но Божьим радуясь веленьям,
Согласованьям бытия,
Внезапным вспыхнет вдохновеньем
Душа усталая моя.
Так, верю я, – для дивной встречи
Предустановлен тайный срок.
Покойся ж, верный друг, далече,
Томи меня, жестокий рок!
«Там тишина с мечтой сплеталась...»
Там тишина с мечтой сплеталась
В кругу безветренных берёз,

и безнадежность улыбалась
Толпе больных и жалких грёз.
Хотело сердце лицемерить,
И очи – слёзы проливать,
И как-то странно было верить,
И как-то страшно было ждать.
И всё томительно молчало, –
Уже природа не жила,
И не стремилась, не дышала,
И не могла, и не была.
«Ещё томительно горя...»
Ещё томительно горя,
Не умер тихий день.
Ещё усталая заря
Не вовсе погрузилась в тень, –
Но чуть заметный серп луны
Уже над миром занесён,
Уже дыханьем тишины
Простор полей заморожен.
И есть предчувствие во всём
Святых и радостных чудес, –
В дали долин, в тиши небес,
И в сердце трепетном моём;
И как далёкий, тихий звон, –
Дыханье вещей тишины;
И одинокий серп луны
Уже над миром занесён.
«Молода и прекрасна...»
Молода и прекрасна,
Безнадёжно больна,
Смотрит на землю ясно
И бесстрастно луна.
Отуманились дали,
И тоскует земля,
И росю печали
Оросились поля.
Простодушные взоры
Поднимает жена
На лазурные горы,
Где томится луна.
Что не спит и не дремлет,
Всё скорбит о луне,
И лучам её внемлет
В голубой тишине.
Но не плачет напрасно
Золотая луна,
Молода, и прекрасна,
И смертельно больна.
Умирая не плачет,
И уносится вдаль,
И за тучею прячет
Красоту и печаль.
Звезда Маир

1

Звезда Маир сияет надо мною,
□□□□Звезда Маир,
И озарён прекрасною звездою
□□□□Далёкий мир.
Земля Ойле плывёт в волнах эфира,
□□□□Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
□□□□На той земле.
Река Лигой в стране любви и мира,
□□□□Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира
□□□□Своей волной.
Бряцанье лир, цветов благоуханье,
□□□□Бряцанье лир

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru
и песни жён слились в одно дыханье,

□□□Хваля Маир.

2

На Ойле далёкой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далёкой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит всё блаженство бытия.
Там, в сияньи ясного Маира,
Всё цветёт, всё радостно поёт.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живёт.
Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя –
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.

3

□□□Всё, чего нам здесь недоставало,
Всё, о чём тужила грешная земля,
□□□Расцвело на вас и засияло,
О, Лигойские блаженные поля.
□□□Этот мир вражда заплонила,
Этот бедный мир в унынье погружён,
□□□Нам отрадна тихая могила,
И, подобный смерти, долгий, тёмный сон.
□□□Но Лигой струится и трепещет
И благоухают чудные цветы,
□□□И Маир безгрешный тихо блещет
Над блаженным краем вечной красоты.

4

Мой прах истлеет понемногу,
Истлеет он в сырой земле,
А я меж звёзд найду дорогу
К иной стране, к моей Ойле.
Я всё земное позабуду,
И там я буду не чужой, –
Доверюсь я иному чуду,
Как обычаю земной.

5

Мы скоро с тобою
Умрём на земле, –
Мы вместе с тобою
Уйдём на Ойле.
Под ясным Маиром
Узнаем мы вновь,
Под светлым Маиром,
Святую любовь.
И всё, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,
Покажет Маир.

6

Бесстрастен свет с Маира,
Безгрешен взор у жён, –
В сиянии с Маира
Великий праздник мира
Отрадой окружён.
Далёкая отрада
Близка душе моей, –
Ойле, твоя отрада –
Незримая ограда
От суетных страстей.
«В мерцаньи звёзд нисходит на меня...»
В мерцаньи звёзд нисходит на меня
Иных, нездешних дум святое обаянье.
Благословляю ночь за кроткое мерцанье

□□Небесного огня.
□□Мянутся там иные поколенья,
Но воля их и жизнь их нашей не чужда,
И где-то между них горит моя звезда
□□Заветом возрожденья.
□□Всё то, к чему в земной холодной мгле
Стремился долго я, стремился безнадежно,
Всё светит мне теперь так радостно и нежно
□□На той святой земле.
□□Подъемятся внимательные взоры
И там, как здесь мои, к далёким небесам,
И тайну дивную вещают также там
□□Бесстрастных звёзд узоры.
□□И к тем очам нисходит мой привет,
Моей земной души чистейшее дыханье,
Благословляю ночь за кроткое мерцанье,
□□За безмятежный свет.
«Звёзды, приветствуйте брата!..»
Звёзды, приветствуйте брата!
В вашей блаженной стране
Всё совершится когда-то,
Что б ни пригрезилось мне.
Бездна небес не преграда, –
Всё совершится опять.
Что ж из того, что мне надо
Здесь, на земле, почивать!
В вашей блаженной пустыне
Снова пригрезится мне
Всё, что мне грезится ныне
В этой безумной стране.
«Моя печаль в полночной дали...»
Моя печаль в полночной дали,
Росой обрызгана, легла.
В единственной моей печали,
В безмолвной и туманной дали,
Вся жажда жизни умерла.
Ещё одной я вею страстью.
Ты, буйный ветер, страсть моя.
Ты научаешь безучастью,
Своею бешеною властью
Отвеяв прелесть бытия.
Всех чар бессильно обаянье,
И ни одной преграды нет.
Весь мир – недолгое мечтанье,
И радость – только созерцанье,
И разум – только тихий свет.
«Мечта души моей, полночная луна...»
Мечта души моей, полночная луна,
Скользишь ты в облаках, ясна и холодна.
Я душу для тебя свирельную настроил,
И войны шумные мечтами успокоил.
Но мне ты не внимай, спеша стезёй своей,
И радостных часов над морем не жалея.
Твоя минует ночь, поникнет лик усталый, –
Я море подыму грозою небывалой.
Забудет океан о медленной луне,
И сниться будет мне погибель в глубине,
И, полчище смертей наславши в злое море,
Я жизнью буйною утешусь на просторе.
«Приподняла ты тёмный полог...»
Приподняла ты тёмный полог
И умертвила милый сон, –
Но свет очей моих недолог,
И днём я скоро утомлен.
И ты зовёшь меня напрасно
То к наслажденью, то к труду, –
Внимая зову безучастно,
Я за тобою не иду.

Напрасно в разные личины
Ты облакаешь прелесть дня, –
Твои восторги и кручины
Непостижимы для меня.
Воскреснет скоро сон-спаситель,
И, разлучив меня с тобой,
Возьмёт меня в свою обитель,
Где тьма, забвенье и покой.
«Я душой умирающей...»
я душой умирающей
Жизни рад и не рад,
И от бури вызывающей
Не ищу я оград.
я беспечной улыбкою
Отвечаю грозе,
И покорностью зыбкою
я подобен лозе.
Верю сказке божественной,
Вижу дивные сны.
Что мне радость торжественной
Нерастленной весны!
Что мне звёзды небесные,
Их таинственный строй!
Что мне торжища тесные
И телец золотой!
Горько пахнет известкою
В переулке моём.
я дорогою жёсткою
Пробираюсь в мой дом.
Там дыхание ладана
Все мерещится мне.
Там святыня угадана
В неземной тишине.
Бесконечность страдания
В тех стенах вмещена,
И тоска умирания,
Как блаженство, ясна.
«Прикасясь холодной рукой...»
Прикасясь холодной рукой
Осторожно к плечу моему,
Ты стоишь у меня за спиной
И зовёшь меня кротко во тьму, –
Прикасясь к плечу моему
Повелительно-нежной рукой.
Но не смею я встать и сказать,
Что с тобою готов я идти
Безмятежное счастье искать
На последнем, на тайном пути, –
я хочу за тобою идти,
Но не смею об этом сказать.
И к чему! Не исполнился срок,
Не настал заповеданный час,
Да и мой не окончен урок,
И огонь предо мной не погас, –
Не настал заповеданный час,
И земной не исполнился срок.
«Угас дневной надменный свет...»
Угас дневной надменный свет,
Угомонились злые шумы, –
И наступает ваш рассвет,
Благие творческие думы.
Темнее сумрак за окном,
Светлее кроткая лампада.
В уединении ночном
Успокоение, отрада.
Преображается в мечтах
Дневное горькое томленье,
И всё, что было злость и страх,

Теперь – смиренное моленье,
Благоухая и звеня,
Восходит к Божьему престолу,
А тени суетного дня
Скользя, бледнея, никнут долу.
«Люблю моё молчанье...»
Люблю моё молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.
Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарёю алой
Весёлый холодок,
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонёк.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне всё томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвёздным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.
«Слабеют яростные стрелы...»
Слабеют яростные стрелы
□□Земных страстей.
Сомкни глаза. Близки пределы
□□Твоих путей.
Не обману тебя, больного, –
□□Утешься, верь, –
Из заточения земного
□□Открою дверь.
В твоей таинственной отчизне,
□□В краю святом,
Где ты покоился до жизни
□□Господним сном,
Где умирают злые шумы
□□Земных тревог, –
Исполнив творческие думы,
□□Почиет Бог.
И ты взойдёшь, как дым кадилный,
□□В Его покой,
Оставив тлеть в земле могильной
□□Твой прах земной.
«В лесу кричала злая птица...»
В лесу кричала злая птица,
Едва ручей журчал в кустах,
По небу прядала зарница,
Туман сгущался на полях.
Из-за раскрытого широко
Томленья в полночи моей
Прозрачный голос издалёка
Мне что-то пел, – не знаю чей.
И всё, что вокруг меня звучало, –
Ручей, и ветер, и трава, –
Всё, докучая, заслоняло
Его эфирные слова.
И я заклятием молчанья
Воззвал к природе, – и она
Очарованью заклинанья
Была на миг покорена.

я ждал, – и в вещем ожиданьи
Зажёгся мне великий свет.
Далёкий зов погас в молчаньи,
Но был в молчании ответ.
«На лбу её денница...»
На лбу её денница
Сияла голубая,
И поясом зарница
Была ей золотая.
Она к земле спускалась
По радуге небесной,
И в мире оставалась
Блаженно-неизвестной.
Но захотела власти
Над чуждыми телами,
И нашей буйной страсти
С тоской и со слезами.
Хотелось ей неволи
И грубости лобзаний,
И непомерной боли
Бесстыдных истязаний, –
И в тёмные, плотские
Облекшись одежды,
Лелеяла земные,
Коварные надежды.
И жизнь её влачилась
Позором и томленьем,
И смерть за ней явилась
Блаженным избавленьем.
«Рассвет полусонный, я очи открыл...»
Рассвет полусонный, я очи открыл,
Но нет во мне воли, и нет во мне сил.
И душны покровы, и скучно лежать,
Но свет мой не хочет в окне засиять.
Докучная лампа, тебя ли зажечь,
Чтоб взоры направить на мёртвую речь?
Иль грешной мечтою себя веселить,
Приникнуть к подушке и всё позабыть?
Рассвет полусонный, я бледен и хил,
И нет во мне воли, и нет во мне сил.
«Он шёл путём зелёным...»
Он шёл путём зелёным
В неведомую даль.
За ним с протяжным стоном
Влеклась его печаль,
Цеплялась за одежду,
Хотела удержать,
Последнюю надежду
Старалась отогнать.
Но тихие лампы
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
В неведомой дали.
И нежное дыханье
В безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навевало ему.
«На распутьи злом и диком...»
На распутьи злом и диком
В тёмный час я тихо жду.
Вещий ворон хриплым криком
На меня зовёт беду,
А на небе надо мною
Только грустная луна,
И тоскует ночь со мною,
И томится тишина.
От луны мерцанье в росах,
И белеет мгла вокруг.

Тихо чертит верный посох
По земле волшебный круг.
Сомкнут круг, – и нет печали
В тесной области моей, –
Позабыты все печали
Утомленьем горьких дней.
Он из мглы выходит, – друг ли
Мне он тайный, или враг?
У него глаза, как угли,
Тёмен лик и зыбок шаг.
Я за дивною чертою
Для него недостижим, –
И стоит он за чертою
Тёмный, зыбкий, весь как дым.
Он смеется и не хочет
В тёмный час признать меня.
Он томленья мне пророчит,
Взор свой пламенно склоня, –
И во мглу с недобрым словом
От меня отходит он, –
Я его зловещим словом,
Вражьим словом не смущён.
Мне под солнцем горе мыкать
День за днём не привыкать.
Ночь придет, – я буду кликать
В тёмный час его опять,
Чтоб за дивною чертою
Погадать, поворожить, –
Только здесь лишь, за чертою,
Мне, усталому, и жить.
«Окрест – дорог извилистая сеть...»
Окрест – дорог извилистая сеть.
Молчание – ответ взывающим,
О, долго ль будешь в небе ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?
Была пора, – с небес грозил дракон,
Он видел вдаль, и стрелы были живы,
Когда же он покинет небосклон,
Всходили вестники, земле не лживы.
Обвеяны познанием кудес,
Являлись людям звери мудрые.
За зельями врачующими в лес
Ходили ведьмы среброкудрые.
Но всё обман, – дракона в небе нет,
И ведьмы так же, как и мы, бессильны.
Земных судеб чужды пути планет, –
Пути земные медленны и пыльны.
Страшна дорог извилистая сеть,
Молчание – ответ взывающим,
О, долго ль с неба будешь ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?
«Был широкий путь к подножью...»
Был широкий путь к подножью
Вечно вольных, дальних скал, –
Этот путь он злою ложью,
Злою ложью заграждал.
То скрывался он за далью.
То являлся из могил,
И повсюду мне печалью,
Он печалью мне грозил, –
И над бедной, тёмной нивой
Обыденных, скучных дел.
День тоскливый и ленивый,
День ленивый потускнел.
В полумраке я томился
Бездыханной тишиной.
Ночь настала, и раскрылся,
И раскрылся мир ночной.

Надо мной у ночи крылья
Вырастали всё темней
От тяжёлого бессилья,
От бессилья злых огней.
И печально, и сурово,
Издалёка в мертвый край
Повелительное слово
Веет, слово: «Умирай».
Месяц встал, и пламенеет
Утешеньем в сонной мгле.
Всё далёкое светлеет,
Всё светлеет на земле.
Отуманенные дали
Внемлют сладкой тишине,
И томительной печали,
Злой печали нет во мне.
Всё томленье, всё страданье,
Труд, и скорбь, и думы все, –
Исчезают, как мерцанье,
Как мерцанье на росе.
«Если есть Иной...»
□□Если есть Иной,
□□□Здесь иль там,
□□Ныне, в час ночной,
□□Явен стань очам.
Погасил я все светила,
И на ложе я возлѣг, –
Благовонный дым кадила
У моих клубится ног.
Я лежу в дыму курений,
□□как бессильный бог.
Я не жду ничьих молений, –
Лишь тебя, мне чуждый гений,
Призываю в мой чертог.
□□Покажи свой лик,
□□Обрати свой взор
□□□На меня!
□□Или нет владык
□□У пучин, у гор,
□□□У огня?
□□Бьют, звенят ручьи,
□□Тучи воду пьют, –
□□Как же дни мои,
□□Для чего цветут?
□□Я возник из почвы дикой,
□□Я расцвѣл в недобрый час.
Для кого пылал костѣр великий?
□□□Для чего угас?
□□Сквозь туманный дым кадила
Вижу я нездешние черты.
□□О, неведомая Сила,
О иной, о дивный, это – Ты!
Ничего вокруг не изменилось,
Но во мне всё сделалось иным, –
Безглагольно тайное открылось,
□□Тает жизнь моя, как дым.
Знаю я, что нет земного слова
Для Твоих безмолвных откровений,
Знаю я, что мне томиться снова
□□В рабстве тягостных сомнений,
И Твоѣ мгновенное явленье, –
□□Призрак или свет, –
Но спасѣн я в краткое мгновенье,
Всѣ равно, – то было вдохновенье
□□Или бред.
«На меня ползли туманы...»
На меня ползли туманы
Заколдованного дня,

Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.
Но таинственное слово
Начертал я на земле, –
Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.
Без меча вошёл я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовала сну.
Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, –
Там царевна почивала,
Сидя с прялкой в терему, –
Замерла у дивной пряжи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.
Я вошёл в её светлицу,
Победитель темных сил,
И красавицу-девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла,
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Легкий взмах веретена.
«В бедной хате в Назарете...»
В бедной хате в Назарете
Обитал ребёнок-Бог.
Он однажды на рассвете,
Выйдя тихо за порог,
Забавлялся влажной глиной, –
Он кускам её давал
Жизнь и образ голубиный,
И на волю отпускал, –
И неслись они далёко,
И блаженство бытия
Возвещала от востока
Новозданная семья.
О, Божественная Сила,
И ко мне сходила ты
И душе моей дарила
Окрылённые мечты, –
Утром дней благоуханных
Жизни трепетной моей
Вереницы новозданных
Назаретских голубей.
Ниспошли ещё мне снова
В жизнь туманную мою
Из томления земного
Сотворённую семью.
«Заря-заряница...»
□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!
По всей земле ходила,
Все грады посещала, –
В одно село пришла,
Все рученьки оббила,
Под окнами стучала,
Приюта не нашла, –
□□Заря-заряница
□□Красная девица,
□□Мать Пресвятая Богородица!

Её от окон гнали,
Толкали и корили,
Бранили и кляли,
И бабы ей кричали:
«Когда б мы всех кормили,
Так что б мы сберегли?»

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
Огонь небесный жарок.
Высок, далёк, да зорок
Илья, святой пророк.
Он встал, могуч и ярк,
И грозных молний сорок
Связал в один клубок.

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
По облачной дороге,
На огненной телеге,
С зарницей на дуге,
Помчался он в тревоге, –
У коней в бурном беге
По грому на ноге.

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
И вихри закружились,
И дубы зашатались,
И молнии зажглись,
И громы разразились, –
И люди испугались,
Молиться принялись:

«Заря-заряница

☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!»
Напрасные рыдания,
Напрасные моления, –
Гневлив пророк Илья.
Не будет сострадания
Для грешного селения, –
Конец его житья!

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
Детей людских жалея,
Сказала Пресвятая:
«Уймись, пророк Илья.
Грешат, не разумея,
Грешат, не понимая,
Но всем простила я».

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
Перед Ильёю стала,
Словами не смирила,
Да с плеч своих сняла
Святое покрывало,
И всё село покрыла,
И всех людей спасла, –

☐☐Заря-заряница
☐☐Красная девица,
☐☐Мать Пресвятая Богородица!
«От курослепов на полях...»
От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.

Как мне не чувствовать её
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие моё
Она венчает злом и благом.
Волной в ручье моём звеня,
Лаская радостное тело,
Она несёт, несёт меня,
Её стремленьям нет предела.
Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О, сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!
«Я верю в творящего Бога...»
Я верю в творящего Бога,
В святыя заветы небес,
И верю, что явлено много
Безумному миру чудес.
И первое чудо на свете,
Великий источник утех –
Блаженно-невинные дети,
Их сладкий и радостный смех.
«Путь мой трудный, путь мой длинный...»
Путь мой трудный, путь мой длинный.
Я один в стране пустынной,
Но услады есть в пути,
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.
Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поёт мне ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.
«Ты вознеслась, благоухая...»
Ты вознеслась, благоухая,
Молитва скорбная моя,
К дверям таинственного рая,
К святым истокам бытия.
Как раскалённое кадило,
Моя печаль в твоих руках
Багровый след свой начертила
На безмятежных небесах.
Но за возвышенной оградой
Была святая тишина,
Ни упованьем, ни отрадой
Тебя не встретила она.
«Вести об отчизне...»
Вести об отчизне
Верьте иль не верьте, –
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.
Если розы красны,
То купавы бледны.
Небеса бесстрастны,
Мы же, люди, бедны.
Истина предстанет
Поздно или рано.
Здесьнее обманет, –
В смерти нет обмана.
«Я люблю мою тёмную землю...»
Я люблю мою тёмную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но, смиренно, и тяжкие муки.
Ничего не отвергну в созданыи, –
И во всём есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтаныи,

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

И в обычности буйной – похмелье.
Преклоняюсь пред Духом Великим,
И с Отцом бытие моё слито,
И созданием Его многоликим
От меня ли единство закрыто!
«Я люблюсь людской красотой...»
я люблюсь людской красотой,
Но не знаю, что стало бы с ней,
Вдохновенной и нежной такую,
Без дыхания жизни моей?
Обращаю к природе я взоры,
И склоняю внимательный слух, –
Только мой вопрошающий дух
Оживляет немые просторы, –
И, всемирною жизнью дыша,
я не знаю конца и предела:
Для природы моей я – душа,
И она мне – послушное тело.
«Подымаю бессонные взоры...»
Подымаю бессонные взоры,
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры
И звездами из них ворожу,
Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лесов и полей,
И бужу беспокойные взмахи
Окрылённой угрозы моей.
Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.
Под гнетом страстности и лени.
«Грустная, бледная тень...»
Грустная, бледная тень,
Тесный, извилистый путь,
Скучный и пасмурный день, –
Сердце, о воле забудь!
Бледен, тоскующий, ты,
Дышит томительно грудь,
Робки и трудны мечты, –
Сердце, о счастья забудь!
Стихи. Книга четвёртая
«Не кончен путь далекий...»
Не кончен путь далекий.
Усталый, одинокий,
Сижу я в поздний час.
Туманны все дороги,
Роса мне мочит ноги,
И мой костёр погас,
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!
Всё в этом тёмном поле
Одной покорно Воле.
Вся эта ночь – моя!
И каждая былинка,
И каждая росинка,
И каждая струя, –
Всё мне согласно внемлет,
Мечтой моей дыша.
В моём томленьи дремлет
Всемирная душа.
Далёк предел высокий.
Усталый, одинокий,
Над влажною золой,
я сам собою светел, –
я путь себе наметил

Не добрый и не злой, –
И нет в широком поле
Огня и шалаша...
Ликуй о дикой воле,
Свободная душа!
«Не я воздвиг ограду...»
Не я воздвиг ограду,
Не мне её разбить.
И что ж! Найду отраду
За той оградой быть.
И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры.
Я призрачную душу
До неба вознесу, –
Воздвигну, – и разрушу
Мгновенную красу.
Что бьётся за стеною, –
Не всё ли мне равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.
«Если б хотел я любить...»
Если б хотел я любить,
Если бы мог я желать, –
В мире кого полюбить,
В жизни чего пожелать?
Только Отец мой да я,
Больше и нет никого.
Жизнь без хотенья – моя,
Воля без жизни – Его.
«Я – бог таинственного мира...»
1.

я – бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
2.

Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.
3.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
4.

Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.
«И я возник из бездны дикой...»
И я возник из бездны дикой,
□□И вот цвету,
И созидаю мир великий, –
□□Мою мечту.
А то, что раньше возникало, –
□□Иные сны, –
Не в них ли кроется начало
□□Моей весны?
Моя мечта – и все пространства,
□□И все чреды,
Весь мир – одно моё убранство,
□□Мои следы.
И если ныне в бедном теле
□□Так тесно мне, –
Утешусь я в ином пределе,
□□В иной стране.
«Измученный жгучею болью...»
Измученный жгучею болью,
Горячею облитый кровью,

Пойми, где предел своеволью, –
Я муки сплетаю с любовью.
Мучительный труд я приемлю
От вечной, незыблемой Воли, –
Кто создал и небо, и землю,
Тот создал и таинство боли.
В безумном восторге мученья
Дрожит беззащитное тело.
Забыты земные влеченья,
И всякая похоть сгорела.
Вся прелесть и нечисть земная
Свивается призрачным дымом.
Единою болью стеная,
Ты равен святым херувимам.
К престолу Творца и Владыки
В нетленную радость вселенной
Твои воздыханья и крики
Восходят хвалою смиренной.
«Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?..»
Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты,
И в мечтах неясных, в тихом полусне,
Лишь о невозможном возвещаешь мне?
Путь один лишь знаю, – долог он и крут, –
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик.
За туманом солнце скрыто, – тусклый лик.
Утомленьем и могилой дышит путь, –
Воля к смерти убеждает отдохнуть,
И от жизни обещает уберечь.
Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленьи неподвижных дней.
«Полуночную порою...»
Полуночную порою
Я один с больной тоскою
Перед лампою моей.
Жизнь докучная забыта,
Плотно дверь моя закрыта, –
Что же слышно мне за ней?
Отчего она, шатаясь,
Чуть заметно открываясь,
Заскрипела на петлях?
Дверь моя, не открывайся!
Внешний холод, не врывайся!
Нестерпим мне этот страх.
Что мне делать? Заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?
Но слаба рука моя,
И уста дрожат от страха.
Так, воздвигнутый из праха,
Скоро прахом стану я.
«Стремленье гордое храня...»
Стремленье гордое храня,
Ты должен тяжесть побороть.
Не отвращайся от огня,
□□Сжигающего плоть.
Есть яд в огне; он – сладкий яд,
Его до капли жадно пей, –
Огни высокие горят
□□И ярче, и больней.
И как же к цели ты дойдешь,
Когда не смеешь ты гореть?
Всё, что ты любишь, чем живёшь,
□□Ты должен одолеть.
Пойми, что, робко плоть храня,
Рабы боятся запалить, –
А ты иди в купель огня

□□Гореть и не сгорать.
Из той купели выйдешь цел,
Омыт спасающим огнём..
А если б кто в огне сгорел,
□□Так что жалеть о нём!
«В путь пора – ладья готова...»
В путь пора – ладья готова.
Ляг в неё и почивай.
В ней от берега чужого
Уплывёшь в родимый край.
Не заботься о дороге,
Верь: прочна твоя ладья.
Ты проснёшься на пороге
Неземного бытия.
«В первоначальном мерцаньи...»
В первоначальном мерцаньи,
Раньше светил и огня,
Думать-гадать о созданьи
Боги воззвали меня.
И совещались мы трое,
Радостно жизнь расцвела.
Но на благое и злое
Я разделил все дела.
Боги во гневе суровом
Прокляли злое и злых,
И разделяющим словом
Был я отторжен от них.
«Что селения наши убогие...»
Что селения наши убогие,
Все пространства и все времена!
У Отца есть обитатели многие, –
Нам неведомы их имена.
Но, предчувствуя райские радости,
Пред которыми жизнь – только сон,
Отрекаюсь от призрачной сладости,
Отвергаю томленье времён.
Увяданье, страданье и тление, –
Мне суровый венец вы сплели.
Не свершится завет воскресения
Никогда и нигде для земли.
«Восставил БОГ меня из влажной глины...»
Восставил БОГ меня из влажной глины,
□□Но от земли не отделил.
Родные мне – вершины и долины,
□□Как я себе, весь мир мне мил.
Когда гляжу на дальние дороги,
□□Мне кажется, что я на них
Все чувствую колёса, камни, ноги,
□□Как будто на руках моих.
Гляжу ли я на звонкие потоки, –
□□Мне кажется, что это мне
Земля несёт живительные соки,
□□Свои дары моей весне.
«Нашу неподвижность бранью не клейми...»
Нашу неподвижность бранью не клейми:
Нам коснеть в пещерах, созданных людьми.
Мы не можем выйти, мы не смеем жить;
Много здесь предметов – нам их сторожить.
Чтоб не веял ветер, солнце бы не жгло,
Да воды проворной к ложу не текло.
С человеком долго мы вели войну, –
Человек ли скован, мы ль в его плену?
Весела ль, грустна ли вражеская речь, –
Надо ждать решенья – и врага стеречь.
«Идти б дорогою свободной...»
Идти б дорогою свободной, –
□□Да лих, нельзя.
Мой путь лежит в степи холодной;

Иду, скользя.
Вокруг простор, никто не держит,
И нет оков,
И Божий гнев с небес не вержет
Своих громов.
Но светлый край далёк отсюда,
И где же он?
Его приблизит только чудо
Иль вещий сон.
Он мне, как счастье, неведом:
Меня ведёт
Моя судьба звериным следом
Среди болот.
«Преодолев тяжелое косненье...»
Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам – творец и сам – свое творенье,
Бесстрастен и один.
Ко мне струилось пламенное слово.
Блистая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
Меня грозился сжечь.
Так, светлые владыку не узнали
В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
В томительной борьбе.
О грозное, о древнее сверканье
Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
Эдемского ключа.
Исполнил раб завещанное дело:
В пыли земных дорог
Донёс меня до вечного предела,
Где я – творец и бог.
«В великом холоде могилы...»
В великом холоде могилы
Я безнадёжно схоронил
И отживающие силы,
И всходы нераскрытых сил.
И погребённые истлели
В утробе матери-земли,
И без надежды и без цели
Могильным соком потекли.
И соком корни напоили, –
И где был путь уныл и гол,
Там травы тихо восходили,
И цвет медлительный расцвёл.
Покорна гласу тёмной воли,
И бездыханна и светла,
Без торжества, без слёз, без боли
Вся сила мёртвая цвела.
И без любви благоухала,
Обманом жизни крася дол,
И сок сладчайший источала
Для пёстрых бабочек и пчёл...
О, если б смерть не овладела
Семьёю первозданных сил,
В какое б радостное тело
Я все миры соединил!
«Когда я в бурном море плавал...»
Когда я в бурном море плавал,
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, – я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, –
Я власти тёмного порока
Отдам остаток чёрных дней».

И Дьявол взял меня, и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашёл и пару вёсел,
И серый парус, и скамью.
И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житиё,
Мою отверженную душу
И тело грешное моё.
И верен я, отец мой, Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал,
И Ты меня из бездны спас.
Тебя, Отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И соблазняя соблазну.
«Вереницы мечтаний порочных...»
Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных
Обнажённые пляшут блудницы,
И в гремящем смятении трубном,
С несказанным бесстыдством во взгляде,
Потрясает сверкающим бубном
Скоморох в лоскуточном наряде.
Высоко поднимая колени,
Безобразные лешие лают,
И не ищут скрывающей тени,
И блудниц опьянелых ласкают.
И, внимая нестройному вою,
Исхудалые узники плачут,
И колотятся в дверь головою,
И визжат, и хохочут, и скачут.
«Недотыкомка серая...»
□□Недотыкомка серая
Всё вокруг меня въётся да вертится, –
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?
□□Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, –
Помоги мне, таинственный друг!
□□Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.
□□Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.
«Исхудалый и усталый...»
Исхудалый и усталый
Он идёт один в пустыню.
Ищет, бледный и усталый,
Сокровенную святыню.
Знает он, – в пустыне скудной
Есть источник говорливый.
Он поёт пустыне скудной
О стране, всегда счастливой.
Возле самого истока
Положил пророк скрижали.
Струи светлого потока
Много лет их целовали.
Над скрижалями поставил
Он сосуд священный с миром.
Он тому его оставил,
Кто придёт с душевным миром,
Склонит радостно колени

И рукою дерзновенной
На себя, склонив колени,
Изольёт елей священный.

«Есть правда горькая в пророчестве...»

Есть правда горькая в пророчестве:

Ты должен вечным быть рабом.

Свобода – только в одиночестве.

Какое рабство – быть вдвоём.

Свершить ли хочешь пожелания, –

Свободные всегда одни.

Венчай тиарою молчания

Твои отторженные дни.

Но бойся, бойся воплощения

Твоей надежды и мечты:

Придут иные вожделения,

И сам окаменеешь ты.

«Суровы очи у дивных дев...»

Суровы очи у дивных дев,

На бледных лицах тоска и гнев.

В руке у каждой горит свеча.

Бренчат о пояс два ключа.

Печальный, дальний путь избрав,

Они проходят средь влажных трав,

Среди колосьев, среди цветов,

Под тень надгробных крестов.

Пророчат что-то свеч лучи,

Но что пророчат, о том молчи.

«Не доживу до светлых дней...»

Не доживу до светлых дней,

Не обрету тебя, свобода,

И вдохновенного народа

Я не увижу. В мир теней,

Как от пустого сновиденья,

я перейду без сожаленья

И без тоски. Но всё же я

Из тёмных недр небытия

Хотел бы встать на час единый, –

Перед всемирною кончиной

Изведать ясность бытия.

«Земле раскрылись неслучайно...»

Земле раскрылись неслучайно

Многообразные цветы, –

В них дышит творческая тайна,

Цветут в них Божии мечты.

Что было прежде силой косной,

что жило тускло и темно,

Теперь омыто влагой росной,

Сияньем дня озарено, –

И в каждом цветке, обаяньем

Невинных запахов дыша,

Уже трепещет расцветаньем

Новорождённая душа.

«Что мы служим молебны...»

□□Что мы служим молебны,

И пред Господом ладан кадим!

□□Всё равно непотребны,

Позабытые Богом своим.

□□В миротканной порфире,

Осенённый покровами сил,

□□Позабыл он о мире,

И от творческих дел опочил.

□□И нетленную мечтою

Мировая душа занята,

□□Не земною, иною, –

А земная пустыня – пуста.

«Не говори, что здесь свобода...»

Не говори, что здесь свобода,

И не хули моих вериг, –

И над тобою, мать-природа,
Мои законы Я воздвиг.
Я начертал мои законы
На каждом камне и стволе.
Звени, ручей, лобзая склоны,
Влачишь по низменной земле.
Ласкайся к змею золотому,
Прозрачный пар, стремися ввысь,
Но к лону тёмному, земному
В свой срок послушно воротись.
Простора нет для своеволия, –
В свой срок и птицам, и цветам
Я, жизнь им давший и раздолья,
В земле успокоенье дам.
«Безжизненный чертог...»
Безжизненный чертог,
Случайная дорога...
Не хочет жизни Бог, –
Иль жизнь не хочет Бога?
Опять встаёт заря,
Колышутся туманы,
И робко ждут Царя
Томительные страны.
Но лютый змий возник,
И мечет стрелы злые,
И грозен мёртвый лик
Пылающего змия.
Для смерти – здесь чертог,
Для случая – дорога.
Не хочет жизни Бог,
И жизнь не хочет Бога.
«В паденьи дня к закату своему...»
В паденьи дня к закату своему
□□Есть нечто мстительное, злое.
Не ты ли призывал покой и тьму,
□□Изнемогая в ярком зное?
Не ты ль хулил неистовство лучей
□□Владыки пламенного, Змия,
И прославлял блаженный мир ночей
□□И звёзды ясные, благие?
И вот сбылось, – пылающий поник,
□□И далеко упали тени.
Земля свежа. Дианин ясный лик
□□Восходит, полон сладкой лени.
И он зовёт к безгласной тишине,
□□И лишь затем он смотрит в очи,
Чтобы внушить мечту о долгом сне,
□□О долгой, – бесконечной, – ночи.
«Ты дорогой шла пустынной...»
Ты дорогой шла пустынной,
Где в лесу синела мгла.
Ландыш белый и невинный
Ты зачем-то сорвала.
И зачем его сжимала
И над ним дышала ты,
Я не понял, – разве мало
Созерцанья красоты?
Или в грудь свежее льётся
Воздух, сквозь цветы струясь?
Иль мечтою создаётся
С зельем родственная связь?
Нет, другое что-то было
Для тебя в цветке твоём,
И тебя к нему манило
Что-то сладостное в нём.
И в забвении суровом
Я не знал, чем ландыш мил,
И каким соблазном новым

Он мечты твои пленил.
«Утро ласковое звонко...»
Утро ласковое звонко.
Веет лёгкий воздух тонко
У склонённого чела,
И тоска души пугливой
В этой ласке шаловливой
Лучезарно умерла.
Ты воскреснешь скоро, злая.
Минет краткий праздник мая,
Яркий змей на небесах
Надо мною в полдень станет,
Грудь мне стрелами изранит, –
Ты придёшь в его лучах.
«Прильнул он к решётке железной...»
Прильнул он к решётке железной
Лицом исхудалым и злым.
Блистающей, грозною бездной
Раскинулось небо над ним.
Струилась сырость ночная,
О берег плескалась река.
Решётку тоскливо сжимая,
Горела, дрожала рука.
Рвануться вперёд – невозможно,
В темнице – и ужас, и мгла...
Мечта трепетала тревожно,
Но злобы зажечь не могла.
«Пойми, что гибель неизбежна...»
Пойми, что гибель неизбежна,
□□Доверься мне,
И успокойся безмятежно
□□В последнем сне.
В безумстве дни твои сгорели, –
□□Но что тужить!
Вся жизнь, весь мир – игра без цели!
□□Не надо жить.
Не надо счастья земного,
□□Да нет и сил,
И сам ты таинства иного
□□Уже вкусил!
«Разъединить себя с другим собою...»
Разъединить себя с другим собою, –
Великая ошибка бытия.
Здесь дышит всё насильем и борьбою,
Дубравы шум, и ветра гул, и плеск ручья.
Разъединить себя с другим собою –
О, для чего придумал я!
И был я долго очарован
Моей печальной и лживой мечтой,
Нетленной цепью, временем, окован,
Пространством сжат, – могильною плитой.
И был я тяжко очарован
Многообразной и мгновенной красотой.
И, наконец, игра мне надоела, –
Пустая, тленная, напрасная игра.
Ниспали чары с творческого дела,
Развенчаны властители добра, –
Игра бесцельная мне надоела,
Соединить себя с другим собой пора.
«Как часто хоронят меня!..»
Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!
Но нет дня меня в них обиды,
Я выше и Ночи, и Дня.
Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печальями со света гонят,
И ладаном в очи дымят.

Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, –
Но, как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.
Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью, –
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.
Великой зарёю зардела
Любовь к моему бытию.
Вселенское, мощное тело
Всемирной душе создаю.
Ладью мою вечно стремите
К свершению творческих дел, –
И если найдёте предел,
Отпойте меня, схороните!
«Слышу голос милой...»
Слышу голос милой,
Вижу милый лик.
Не моей ли силой
Милый лик возник?
Разве есть иное?
В тишине долин
Мы с тобой не двое, –
Я с тобой один.
Мне ль цветком измятым
К нежной груди лхнуть!
Сладким ароматом
Мне, как прежде, будь.
Если ж есть иные
Не мои края
О, к чему мне злые
Грани бытия!
«Всё хочет петь и славить Бога...»
Всё хочет петь и славить Бога, –
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.
Они зовут за словом слово,
И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова
И повторяет человек.
«О владычица смерть, я роптал на тебя...»
О владычица смерть, я роптал на тебя,
Что ты, злая, царишь, всё земное губя.
И пришла ты ко мне, и в сиянии дня
На людские пути повела ты меня.
Увидал я людей в озареньи твоём,
Омрачённых тоской, и бессильем, и злом.
И я понял, что зло под дыханьем твоим
Вместе с жизнью людей исчезает, как дым.
«Я не лгу, говоря, что люблю я тебя...»
Я не лгу, говоря, что люблю я тебя,
Но люблю для себя и ласкаю, губя.
Что мне счастье твоё, что мне горе твоё!
Я твоё и своё сочетал бытие, –
И на вечном огне, на жестоком огне
Мы в безумной с тобою сгорим тишине,
И пылая, сгорая, друг друга любя,
Позабудем весь мир, позабудем себя,
И великую жертву Творца повторим,
И сгорим перед Ним, и развеемся в дым.
«Для меня ты только семя...»
Для меня ты только семя.
Ты умрёшь, – настанет время, –
Жизнерадостную душу
Я стремительно разрушу,
И в могилу брошу тело,

Чтоб оно во тьме истлело.
Из погибшего земного
Созидать я стану снова.
Новый род к тому ж обману
Вызывать я к жизни стану,
Новых образов броженье
Вознесу в осуществленье, –
Но для всех одна кончина.
Всё различно, всё едино.
«Впечатления случайны...»
Впечатления случайны,
□□Знание ложно,
Проникать в святые тайны
□□Невозможно.
Люди, стены, мостовые,
□□Колесницы, –
Всё докучные да злые
□□Небылицы.
С ними быть, – и лицемерить,
□□И таиться, –
Но не хочет сердце верить
□□И молиться.
«В дубраве дом сосновый...»
В дубраве дом сосновый
□□Вблизи ручья.
Хозяин в нём суровый,
□□Один, как я.
Хранит в тоске ревнивой
□□Его земля.
Лежит он, терпеливый,
□□Как я, дремля.
И враг всегда лукавый,
□□С паденьем дня,
Восходит над дубравой,
□□Как у меня.
«Я сжечь её хотел, колдунью злую...»
Я сжечь её хотел, колдунью злую.
Но у неё нашлись проклятые слова, –
Я увидел её опять живую, –
Вся в пламени и в искрах голова.
И говорит она: «Я не сгорела, –
Восстановил огонь мою красу.
Огнём упитанное тело
Я от костра к волшебству унесу.
Перебегая, гаснет пламя в складках
Моих магических одежд.
Безумен ты! В моих загадках
Ты не найдёшь своих надежд».
«Сквозь пыльный столб, как яркое мечтанье...»
Сквозь пыльный столб, как яркое мечтанье,
□□□□Пронизаны лучи.
Создатель мой, прости моё страданье
□□□□И смеху научи.
Сухая пыль вздымается с дороги,
□□□□Каменья на пути.
Наскучило в медлительной тревоге
□□□□Невесть куда идти.
Томят меня, как знойное дыханье,
□□□□Небесные лучи.
Создатель мой, прости моё скитанье,
□□□□Покою научи.
«В молчаньи звёзд, в дыханьи ветра с полуночи...»
В молчаньи звёзд, в дыханьи ветра с полуночи
□□□□Улики явственные есть.
□□□□О, духи зла! Закройте очи
И не мешайте мне безропотно отцвесть.
Меня и вас одна объемлет неизбежность,
□□□□Ненарушим всемирный строй.

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб so1ogubfyodor.ru

Всё должно быть: для жизни – радость и мятежность,

□□□□Для смерти – тленье и покой.

«Усмиривши творческие думы...»

Усмиривши творческие думы,
К изголовью день мой наклоня,
Погасил я блеск, огни и шумы,
Всё, что здесь не нужно для меня.

Сквозь полузакрытые ресницы
Я в края полночные вхожу,
И в глаза желанной Царь-Девицы

□□Радостно гляжу.

«Понимать твою игру...»

Понимать твою игру,
Может быть, и нелегко.
Ослабею – и умру,
Этот день недалеко.

Я умру, – а ты опять
Будешь звёзды зажигать,
Сеять чары и мечты, –
Будем снова я и ты.

Будем дети, будет смех,
Будет сладкая любовь,
Будет зло, и будет грех,
И опять прольётся кровь.

Снова круг мой завершив,
Стану мёртв и стану жив,
И твою игру прерву,
Может быть, и наяву.

«Этот сон-искуситель...»

Этот сон-искуситель,

□□Он неправдою мил.

Он в мою роковую обитель
Через тайные двери вступил, –

□□И никто не заметил,

□□И не мог помешать.

Я желанного радостно встретил,
И он сказочки стал мне шептать.

□□Расцвели небылицы,

□□Как весной цветы,
И зареяли вещие птицы,
И пришла, вожделенная, ты...

□□Этот сон-искуситель,

□□Он неправдою мил.

Он мою роковую обитель
Безмятежной мечтой озарил.

«Постройте чертог у потока...»

Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далёко,
Сберите живую красу, –

□□детей беспокровных,

□□Голодных детей

Ведите в защиту дубровных

□□Широких ветвей.

Проворные детские ноги
В зелёном лесу побегут
И в нём молодые дороги

□□Себе обретут,

Возделают детские руки
Эдем, для работы сплетясь, –
И зой их весёлые звуки
Окличет, в кустах притаясь.

«Ветер в трубе...»

□□Ветер в трубе

Воет о чьей-то судьбе, –

□□Жалобно стонет,

Словно кого-то хоронит.

«Бедные дети в лесу!

Кто им укажет дорогу?
Жалобный плач понесу
Тихо к родному порогу,
Ставнями стукну слегка,
Сам под окошком завою, –
Только немая тоска
К ним заберётся со мною.
Им непонятен мой зов.
Дети, обнявшись, заплачут.
Очи голодных волков
Между дерев замаячат».
□□Ветер в трубе
Плачет о чьей-то судьбе, –
□□Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.
«Ангельские лики...»
□□Ангельские лики,
□□Светлое хваленье,
□□Дым благоуханий, –
□□У Творца-Владыки
□□Вечное забвеньё
□□Всех земных страданий.
□□Ангел вопрошает:
«Бледный отрок, ты откуда?
Рано дни тебе наскучили».
□□Отрок отвечает:
«На земле мне было худо.
Мать с отцом меня замучили».
□□У Творца-Владыки
□□Вечное забвеньё
□□Всех земных страданий, –
□□Ангельские лики,
□□Светлое хваленье,
□□Дым благоуханий.
«Целый день бранили,
Ночью руки мне связали,
На чердак свели раздетого,
□□Долго палкой били,
Долго розгами терзали, –
Вот и умер я от этого».
□□Ангельские лики,
□□Светлое хваленье,
□□Дым благоуханий, –
□□У Творца-Владыки
□□Вечное забвеньё
□□Всех земных страданий.
«Келья моя и тесна, и темна...»
Келья моя и тесна, и темна.
Только и свету, что свечка одна.
Полночи вещей я жду, чтоб гадания
□□Снова начать,
□□И услышать
Злой моей доли вещания.
Олово, ложка да чаша с водой, –
Всё на дощатом столе предо мной.
Олово в ложке над свечкой мерцающей
□□Я растоплю,
□□И усыплю
Страх, моё сердце смущающий.
Копоть покрыла всю ложку мою.
Талое олово в воду я лью.
Что же пророчит мне олово?
□□Кто-то стоит
□□И говорит:
«Взял же ты олова, – злого, тяжелого!»
Острые камни усеяли путь,
Меч изострённый вонзился мне в грудь.
«Голос наш ужасен...»

Голос наш ужасен
Нашим домовым;
Взор наш им опасен, –
Тают, словно дым.
И русалки знают,
Как мы, люди, злы, –
Вдалеке блуждают
Под защитой мглы.
Нечисть вся боится
Человечьих глаз,
И спешит укрыться, –
Сглазим мы как раз.
«Много было вёсен...»
Много было вёсен, –
И опять весна.
Бедный мир несносен,
И весна бедна.
Что она мне скажет
На мои мечты?
Ту же смерть покажет,
Те же все цветы,
Что и прежде были
У больной земли,
Небесам кадили,
Никли да цвели.
«Узкие, мглистые дали...»
Узкие, мглистые дали.
Камни везде и дома.
Как мне уйти от печали?
Город мне – точно тюрьма.
Кто же заклятью неволи
Скучные стены обрѣк?
Снова ль метаться от боли?
Славить ли скудный порок?
Ждать ли? Но сердце устало
Горько томиться и ждать.
То, что когда-то пылало,
Может ли снова пылать?
«Венком из руты увенчали...»
Венком из руты увенчали
Меня суровые печали, –
И охладела мысль моя,
В душе смирилася тревога,
Сужу отчётливо и строго,
Моей неправды не тая.
Не поклоняюсь я иному,
Ни богу доброму, ни злomu,
Но и не спорю тщетно с ним:
Творцу ль сердиться на созданья?
Огню ль в минуту угасанья
Роптать на пепел и на дым?
Всё благо, – только это тело
В грехах и в злобе закоснело,
Но есть могила для него, –
И смерть бесстрастно я прославлю,
И так же всё легко поправлю,
Как создал всё из ничего.
«Как настанет Страшный Суд...»
Как настанет Страшный Суд,
Никого уж не спасут
Воздыханья да молитвы.
Видишь, демоны глядят, –
Ждет расправы весь их ад,
Словно волки – лютой битвы.
Быть и нам у них в когтях,
Коль забудем Божий страх,
На миру осуетимся,
Убежим от Божьих паств,

И сладьми житейских яств
Через меру насладимся.
Не забудем же дорог
В Божий радостный чертог,
В обители блаженных,
И пойдём под Божий кров
Мы в толпе Его рабов,
Терпеливых и смиренных.
«От солнца льётся только колыханье...»
От солнца льётся только колыханье,
Небесных сил безжизненно дыханье,
Но отчего ж оно животворит?
Иль на земле источник нашей жизни,
И нет путей к заоблачной отчизне,
И не для нас небесный змий горит?
Не мёртвая, не скудная пустыня,
Своих судеб царица и богиня,
От праха ты стремишься к божеству, –
А я – одна из множества ступеней
Из царства сил в святую область теней,
Не тщетно жизнью призрачной живу.
И до конца пребуду терпеливым:
Что было прахом и страданьем лживым,
Что сквозь мои томления пройдёт, –
Во мне святыне вечной приобщится,
И в ликованьи нежно истончится,
Божественной природой оживёт.
«Благоухающий и бледный...»
Благоухающий и бледный,
Ты ждал меня, мой ландыш бедный,
И без меня в тоске поблёл,
А я замедлил на дороге,
И я, как ты, в немой тревоге,
В уединеньи изнемог.
В большой тоске разъединенья
Влачились дней безумных звенья,
Я раскрывал за далью даль,
Мечтам не ставил я предела,
И над тобой отяготела
Моя холодная печаль.
В просветы листьев над тобою
Синел бездонной глубиной
Невозмутимый мой простор.
Я был безумным и жестоким,
И над тобой шатром высоким
Я смерть всемирную простёр.
«Я тёмным иду переулком...»
Я тёмным иду переулком,
Где в воздухе пыльном и гулком
□□Тревога,
И чужд я больной укоризне, –
Теперь мне осталось от жизни
□□Немного.
Не знать и не ждать перемены,
Смотреть на докучные стены
□□Досадно,
Мечтать же о дне неслучайном,
Навеки запретном и тайном,
□□Отрадно.
Да, он никогда не настанет, –
И кто моё сердце обманет
□□Гаданьем!
Не мне утешаться и верить,
И тёмные пропасти мерить
□□Желаньем.
«Детский лепет мне несносен...»
Детский лепет мне несносен,
Мне противен стук машин.

я хочу под тенью сосен
Быть один, всегда один, –
Чтоб пустынно восходило
И катилось надо мной
Безответное светило,
Змей безумно-золотой, –
Чтоб свободный и пустынный
Веял ветер всех сторон,
Погружая душу в длинный,
Безразгадно-вещий сон.
Чтоб никто не молвил слова
Ни со мной, ни обо мне,
Злым вторжением былого
В беспредельной тишине, –
И когда настанет время
Беспробудно опочить
И томительное бремя
С утомленных плеч сложить, –
Чтоб никто моей пустыней
С тихим пеньем не ходил,
Чтоб не плавал ладан синий
Вкруг колеблемых кадил.
«Предметы предметного мира...»
Предметы предметного мира, –
И солнце, и путь, и луна,
И все колебанья эфира,
И всякая здесь глубина,
И всё, что очерчено резко,
Душе утомлённой моей –
Страшилище звона и блеска,
Застенок томительных дней.
От света спешу я в чертоги,
Где тихой мечтою дышу,
Где вместе со мною лишь боги,
Которых я сам возношу.
Бесшумною тканью завешен
Чертога безмолвный порог.
Там грех мой невинно-безгрешен,
И весело-светел порок.
Никто не наложит запрета,
И грубое слово ничьё
Не бросит внезапного света
На слово иль дело моё.
Я древних заклятий не знаю
На той стороне бытия,
И если я кровь проливаю,
То кровь эта – только моя.

Родине

Стихи. Книга пятая

Гимны Родине

1

О Русь! В тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
□□□ родина моя!
Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.
Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.
Милее нет на свете края,

О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
□□Слагаю гимны я.

2

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
я не боюсь и не стыжусь.
И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
я не хочу с него свернуть.
Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу всё те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синюю далью
Земля весела и красна.
Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.
В безумных, в напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.
За решеткой
Тень решётки прочной
Резким переплётом
На моём полу.
Свет луны холодной
Беспокойным летом
Падает во мглу.
Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.
Резок холод мглистый.
Страшно заточенье...
Неподвижны сны.
В голове склонённой
Созданы мечтою
Вольные пути,
Труд освобождённый,
Жизнь не за стеною...
Как же мне уйти?
Долетают звуки,
Льётся воздух влажный,
Мысли, как и там, –
я тюремной муки
Плач и вопль протяжный
Ветру передам.
От злой работы палачей
Валерию Брюсову

Баллада

Она любила блеск и радость,
Живые тайны красоты,
Плодов медлительную сладость,
Благоуханные цветы.
Одета яркой багрянницей,
Как ночь мгновенная светла,
Она любила быть царицей,
Её пленяла похвала.
Её в наряде гордом тешил
Алмаз в лучах и алый лал,

и бармы царские обвешал
жемчуг шуршащий и коралл.
Сверкало золото чертога,
Горел огнём и блеском свод,
И звонко пело у порога
Паденье раздроблённых вод.
Пылал багрянец пышных тканей
На белом холоде колонн,
И знойной радостью желаний
Был сладкий воздух напоён.
Но тайна тяжкая мрачила
Блестящей славы дивный дом:
Царица в полдень уходила,
Куда, никто не знал о том.
И, возвращаясь в круг весёлый
Прелестных жён и юных дев,
Она склоняла взор тяжёлый,
Она таила тёмный гнев.
К забавам лёгкого веселья,
К турнирам взоров и речей
Влеклась тоска из подземелья,
От злой работы палачей.
Там истязуемое тело,
Вопя, и корчась, и томясь,
На страшной виске тяготело,
И кровь тяжёлая лилась.
Открывши царственные руки,
Отнявши бич у палача,
Царица умножала муки
В злых лобызаниях бича.
В тоске и в бешенстве великом,
От крови отирая лик,
Пронзительным, жестоким гиком
Она встречала каждый крик.
Потом, спеша покинуть своды,
Где смрадный колыхался пар,
Она всходила в мир свободы,
Венца, лазури и фанфар.
И, возвращаясь в круг весёлый
Прелестных жён и юных дев,
Она клонила взор тяжёлый.
Она таила тёмный гнев.
«О, жизнь моя без хлеба...»
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе Бог.
Иду в широком поле,
В уныньи тёмных рощ,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,
И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Всё душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеётся небо,
Ликует в небе Бог.
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
«Зачем, скажи...»
□□Зачем, скажи,
В полях, возделанных прилежно,
□□Среди колосьев ржи
Везде встречаем неизбежно

□□Ревнивые межи?

Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.
Но злая зависть учредила,
Во славу алчности и лжи,
Неодолимые межи
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.
Швея («Нынче праздник. За стеною...»)
Нынче праздник. За стеною
Разговор беспечный смолк.
Я одна с моей иглою,
Вышиваю красный шёлк.
Все ушли мои подруги
На весёлый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь.
Мне весёлости не надо.
Что мне шум и что мне свет!
В праздник вся моя отрада,
Чтоб исполнить мой обет.
Всё, что юность мне сулила,
Всё, чем жизнь меня влекла,
Всё судьба моя разбила,
Всё коварно отняла.
«Шей нарядные одежды
Для изнеженных господ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай их злую ложь!»
И в покорности я никла,
Трепетала, словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: восстань!
Белым шёлком красный мечу,
И сама я в грозный бой
Знамя вынесу навстречу
Рати вражеской и злой.
Спутник
По безмолвию ночному,
Побеждая страх и сон,
От собратьев шёл я к дому.
А за мной следил шпион;
И четою неразлучной
Жуткий город обходя,
Мы внимали песне скучной
Неумолчного дождя.
В темноте мой путь я путал
На углах, на площадях,
И лицо я шарфом кутал,
И таился в воротах.
Спутник чутко-терпеливый,
Чуждый, близкий, странно-злой,
Шёл за мною под дождливой
Колыхающейся мглой,
Как докучливая совесть,
Злая спутница души,
Повторяющая повесть
Дел, таящихся в тиши.
Утомясь теряться в звуке
Повторяемых шагов,
Наконец тюремной скуке
Я предаться был готов.
За углом я встал. Я слышал
Каждый шорох, каждый шаг.
Затаился. Выждал. Вышел.
Задрожал от страха враг.

«Барин, ты меня не трогай, –
Он сказал, дрожа как лист, –
Я иду своей дорогой,
Я и сам социалист».

Сердце тяжело, больно билось,
А в руке дрожал кинжал.
Что случилось, как свершилось,
Я не помню. Враг лежал.

«Розы битв жестоких...»

Розы битв жестоких
На полях далёких,
Алой крови розы
На полях чужбины.
Матерей томленье,
Слёзы и моленье
Льются, льются слёзы,
Слёзы злой кручины.

Иван-Царевич

Сел Иван-Царевич

На коня лихого.

Молвил нам Царевич

Ласковое слово:

«Грозный меч подьемлю,

В бой пойду я рано,

Заберу всю землю

Вплоть до океана».

Год проходит. Мчится

вестник-воин бледный.

Он поспешно мчится,

Шлем иссечен медный.

«Сгибли наши рати

Силой вражьей злобы.

Кстати иль некстати,

Запасайте гробы.

Наш Иван-Царевич

Бился с многой славой». –

«Где ж Иван-Царевич?» –

«В битве пал кровавой».

Жестокие дни

Ожиданья дни жестоки.

Истомилася любовь.

На враждующем востоке

Льётся братьев наших кровь.

И, о мире воздыхая,

Слёзно Господа моля,

Вся от края и до края

Стонет русская земля.

Слёзы матери печальной!

Кто ведёт вам поздний счёт?

Кто стране многострадальной

Утешенье принесёт?

Соборный благовест

1

Давно в степи блуждая дикой,

Вдали от шумного жилья,

внезапно благовест великий,

Соборный звон услышал я.

Охвачен трепетным смятеньем,

забывши тесный мой шалаш,

Спешу к проснувшимся селеньям,

Твержу: «Товарищи, я – ваш!»

Унынье тёмное уснуло,

Оставил душу бледный страх, –

И сколько говора и гула

На перекрёстках и путях!

2

Клеветники толпою чёрной

У входа в город нам кричат:

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».

Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встаёт родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные поднимают
Его торжественный язык.

Он долго спал, над колокольной
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.
Свободный ветер бури дальней,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.

И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.
Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

4

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, недалёк.
Он куплен кровью наших братий,
Слезам матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.

Восход солнца
Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где ещё безумство бродит,
Где ликует произвол.
Зыбко движутся туманы,
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны ещё и злы!
Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловещей, чёрной тучей
Наше солнце затмевать.
Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.

В час великого восхода
Возноси их, как мечи.
Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти,
Побеждая мрак и холод
Заграждённого пути.
Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,
Озари святыя дали
За усталостью дорог.
Кто в объятьях сна немого
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.

Обрыв

Обрыв из глины,
Вверху – берёза да сосна.

Река мелка, но гул стремнины
Звучит, как мощная волна.

На камнях пена,
У берега – водоворот,
А выше – в воду по колена
Забрался мальчик, рыбы ждёт.
Везде – смертельные обманы!
Но разве страшно умереть!
Уж если храбры мальчуганы,
Так нам-то, взрослым, что робеть?
Гром

Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой,
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.
Уж демон вихрей мчится грозно,
Свинцовой тучей облачён,
И облака, что плыли розно,
К себе зовёт зарницей он.
Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесёт,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжёт.

Время битвы

Наше злое время – время лютой битвы.
Прочь кимвал и лиру! Гимнов не просите,
Золотые струны на псалтири рвите!
Ненавистны песни, не к чему молитвы.
О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте клич суровой чести,
Клич, в котором слышен голос кровной мести,
Клич, в котором дышит сила огневая.
Песни будут спеты только после боя,
В лагере победы, – там огни зажгутся,
Там с гремящей лиры звуки понесутся,
Там польётся песня в похвалу героя.
Над телами ж мёртвых, ночью после сечи,
Будет петь да плакать только ветер буйный
И, плеща волною речки тихоструйной,
Поведёт с лозою жалобные речи.

Искали дочь

Печаль в груди была остра,
□□Безумна ночь, –
И мы блуждали до утра,
□□Искали дочь.

Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.
Чернели тени на огне

□□Ночных костров.
Звучали в мёртвой тишине
□□Шаги врагов.

Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.
Всю ночь мерещилась нам дочь,
□□Ещё жива,
И нам нашёптывала ночь
□□Её слова.

По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.
Бросали груды страшных тел
□□В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел

□□Городовой.

Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, –
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.
Ступени скользкие вели

□□В сырую мглу, –
Под грудой тел мы дочь нашли
□□Там, на полу.

Змий

Стихи. Книга шестая

Медный змий

Возроптали иудеи:

«Труден путь наш, долгий путь.

Пресмыкаясь, точно змеи,

Мы не смеем отдохнуть».

В стан усталых иудеев

Из неведомой земли

Вереницы мудрых змеев

Утром медленно ползли.

Подымался к небу ропот:

«Нет надежд и нет дорог!

Или нам наш долгий опыт

Недостаточно был строг?»

Рано утром, в час восхода,

Голодна, тоща и зла,

В стан роптавшего народа

Рать змеиная ползла.

И, раздор меж братьев сея,

Говорил крамольник злой:

«Мы отвергнем Моисея,

Мы воротимся домой».

Чешуёй светло-зелёной

Шелестя в сухой пыли,

По равнине опалённой

Змеи медленно ползли.

«Здесь в пустыне этой пыльной

Мы исчахнем и умрём.

О, вернёмся в край обильный,

Под хранительный ярём».

Вдруг, ужаленный змеёю,

Воин пал сторожевой, –

И сбегаются толпою

На его предсмертный вой.

И, скользя между ногами

Старцев, жён, детей и дев,

Змеи блещут чешуями,

Раззевают хищный зев,

И вонзают жала с ядом

В обнажённые стопы

Их враждебно-вещим взглядом

Очарованной толпы.

Умирали иудеи, –

И раскаялись они.

«Моисей, нас жалят змеи! –

Возопил народ. – Взгляни:

Это – кара за роптанье.

Умоли за нас Творца,

Чтоб Господне наказание

Не свершилось до конца».

И, по слову Моисея,

Был из меди скован змей,

И к столбу прибили змея

Остриями трёх гвоздей.

Истощили яд свой гости

И, шурша в сухой пыли,

Обессиленные злости

В логовища унесли.

Перед медным изваяньем
Преклоняется народ,
И смиренным покаяньем
Милость Божию зовёт.

Алмаз

Легкою игрою низводящий радугу на землю,
Раздробивший непреклонность слитных змиевых речей,
Мой алмаз, горящий ярко беспредельностью лучей,
Я твоим вещаньям вещим, многоцветный светоч, внемлю.
Злой дракон горит и блещет, ослепляя зоркий глаз.
Льётся с неба свет его, торжественно-прямой и белый, –
Но его я не прославлю, – я пред ним поставлю смелый,
Огранённый, но свободный и холодный мой алмаз.
Посмотрите, – разбежались, развизжались бесенята,
Так и блещут, и трепещут, – огоньки и угольки, –
Синий, красный и зелёный, быстры, зыбки и легки.
Но не бойтесь, успокойтесь, – знайте, наше место свято,
И простите бесенятам ложь их зыбкую и дрожь.
Злой дракон не знает правды и открыть её не может.
Он волнует и тревожит, и томленья наши множит,
Но в глаза взглянуть не смеет, потому что весь он – ложь.
Все лучи похитив с неба, лишь один царить он хочет.
Многоцветный праздник жизни он таит от наших глаз,
В яркой маске лик свой кроет, стрелы пламенные точит, –
Но хитросплетенье злое разлагает мой алмаз.
«В предутренних потьмах я видел злые сны...»
В предутренних потьмах я видел злые сны.
□□Они меня до срока истомили.
Тоска, томленье, страх в работу вплетены,
□□В сиянье дня – седые космы пыли.
Предутренние сны, безумной ночи сны, –
□□На целый день меня вы отравили.
Есть белый нежный цвет, – далёк он и высок,
□□Святая тень, туманно-голубая.
Но мой больной привет начертан на песок,
□□И тусклый день, так медленно ступая,
Метёт сухой песок, медлительно-жесток.
□□О жизнь моя, безжалостно-скупая!
Предутренного сна больная тишина,
□□Немая грусть в сияньи Змия.
Святые ль наизусть твердишь ты имена,
□□Ты, мудрая жена седого Вяя,
Предутренного сна больная тишина,
□□Но где ж твои соперницы нагие?
Иль тусклой пеленой закроется закат,
□□И кто за ним, то будет Тайной снова,
И, мёртвой тишиной мучительно объят,
□□Сойду к Иным без творческого Слова?
Мучительный закат, безжалостный закат,
□□Последний яд, усмешка Духа Злого.
«Восходит Змий горящий снова...»
Восходит Змий горящий снова,
И мечет грозные лучи.
От волхвования ночного
Меня ты снова отлучи.
Труды подъемлю, – на дороги
Пойду безумен, зол и мал,
Забыв полночные чертоги,
Где я словам твоим внимал.
Но из земли возникнут снова
Твои холодные ключи, –
Тогда меня, всегда земного,
Ты в тихий сумрак заключи.
«Столкновение бешеных воль...»
Столкновение бешеных воль,
Сочетание воплей и стона...
Прокажённого радует боль,
Как сияние злого Дракона.

Он лицо поднимает к лучам,
Острупелые тянет он руки,
И смеётся жестоким бичам,
И приветствует дикие муки.
Утешает несносная боль,
Голос бешеной жизни отраден, –
И просыпалась жгучая соль
На сплетенье бесчисленных ссадин.
«В недосыгаемом чертоге...»
В недосыгаемом чертоге
Жила Царица красоты,
И с нею были только боги
И легкокрылые мечты.
Озарена святым блаженством,
И безмятежна, и ясна,
Невозмутимым совершенством
Сияла радостно она.
Легко сотканые одежды
Едва касались нежных плеч.
Отрадным веяньем надежды
Приветная звучала речь,
И только лёгкие мечтанья
К ней возносились от земли,
А люди, бранные созданья,
Её достигнуть не могли.
Катилось кроткое светило
Над тихим плеском горних рек,
Дневное ж солнце не всходило
Над миром радостным вовек.
Но злой Дракон, кующий стрелы,
Свою и здесь насытил злость.
Однажды в дивные пределы
Вступил нежданный, странный гость.
Смотрел он дико и сурово,
Одежда вся была в пыли.
Он произнёс земное слово,
Повеял запахом земли,
И пред Царицею смущённой,
Охвачен вихрем злых тревог,
Мольбами страсти исступлённой
Он огласил её чертог.
Смутились радостные боги,
Померкли светлые мечты,
Всё стало призрачно в чертоге
Царицы дивной красоты, –
И в тяжкой муке отвращенья
Вкусила смерть Царица грёз,
И Змей в безумстве злого мщенья
Свой лик пылающий вознёс.
«Трепещет сердце опять...»
Трепещет сердце опять.
Бледная поднялась заря, –
Бедная! Пришла встречать
Злого, золотого царя.
Встал и пламенем лучей
Опалил, умертвил её.
Ропщет и плачет ручей, –
Усталое сердце моё.
«Опять в лазури ясной...»
Опять в лазури ясной,
Высоко над землёй
Дракон ползёт прекрасный,
Сверкая чешуёй.
Он вечно угрожает,
Свернувшись в яркий круг,
И взором поражает
Блестящих подруг.
Один царить он хочет

В эфире голубом,
И злые стрелы точит,
И мечет зло кругом.
«Безумием окована земля...»
Безумием окована земля,
Тиранством золотого Змея.
Простёрлися пустынные поля,
В тоске безвыходной немея,
Подъемлются бессильно к облакам
Безрадостно-нахмуренные горы,
Подъемлются к далёким небесам
Людей тоскующие взоры.
Влачится жизнь по скучным колеям,
И на листах незыблемы узоры.
Безумная и страшная земля,
Неистошим твой дикий холод,
И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот.
«Я любви к тебе не знаю...»
Я любви к тебе не знаю,
Злой и мстительный Дракон,
Но, склоняясь, исполняю
Твой незыблемый закон.
Я облёкся знойным телом,
Зной лучей твоих во мне.
Раскалён в каленьи белом,
В красном часто я огне.
«Благословлять губительные стрелы...»
Благословлять губительные стрелы
И проклинать живящие лучи, –
Вот страшные и тесные пределы.
К иным путям затеряны ключи.
В мучительных безумствуя хуленьях,
В бессмысленной безумствуя хвале,
Живи в безвыходных томленьях,
Влачись на бедственной земле.
Отравленной стрелы вонзилось жало, –
Лобзай её пернатые края:
Она – твоя, она тебя лобзала,
Когда померкло солнце бытия.
«О лихорадочное лето!..»
О лихорадочное лето!
То ветра холод, то солнца зной.
Холодной мглюю земля одета,
Ручей смеётся в тени лесной.
Он притаился в долине тесной.
Ему забавно, что много туч.
Ему противен Змей небесный, –
Как меч разящий, – блестящий луч.
«Два солнца горят в небесах...»
Два солнца горят в небесах,
Посменно возносятся лики
Благого и злого владыки,
То радость ликует, то страх.
Дракон сожигающий, дикий,
И Гелиос, светом великий, –
Два солнца в моих небесах.
Внимайте зловещему крику, –
Верховный идёт судия.
Венчайте благого владыку,
Сражайтесь с Драконом, друзья.
«Высоко я тебя поставил...»
Высоко я тебя поставил,
Светло зажёлг, облёк в лучи,
Всемирной славою прославил,
Но от склонений не избавил,
И в яркий жар твой я направил
Неотразимые мечи.

Горишь ли ты над небосклоном,
Иль утомлённый клонишь лик,
Мои мечи с тяжёлым звоном
Тебя разят, – и долгим стоном
Моим ответствуя законам,
Ты к алым областям приник.
И уж напрасно хочешь целым
Остаться ты, надменный Змей,
Святым, торжественным и белым, –
Я волю дал восстаньям смелым.
Стремись же к пламенным пределам,
И, тяготей, пламеней.
«Алой кровью истекая в час всемирного томленья...»
Алой кровью истекая в час всемирного томленья,
С лёгким звоном злые звенья разжимает лютый Змей.
Умирает с тихим стоном Царь полдневного творенья.
Кровью Змея пламенея, ты жалеть его не смей.
Близок срок замороженный размышленья и молчанья.
Умирает Змей багряный, Царь безумного сиянья.
Он царил над небосклоном, но настал печальный час,
И с протяжным, тихим стоном Змей пылающий погас.
И с бессильною тревогой окровавленной дорогой,
Все ключи свои роняя, труп Царя влечёт Заря,
И в томленьи грусти строгой месяц бледный и двурогий
Сеет мглистые мечтанья, не грозя и не горя.
Если страшно, если больно, если жизни жаль неволью, –
Что твой ропот своевольный! Покоряйся, – жить довольно.
Все лучи померкли в небе и в ночной росе ключи, –
И опять Она с тобою. Слушай, слушай и молчи.
«Мечи отчаянья свергаются с небес...»
Мечи отчаянья свергаются с небес,
Наряжены чарующим сияньем,
И говорят, что древний Змий воскрес,
Что он царит и жжёт своим дыханьем.
Он сотворил, чтоб поглотить,
Он равнодушно беспощаден, –
Равно любить, равно губить
Превозносящихся и гадин.
Мечи отчаянья! Стремительное зло!
Весь свет похитивши от мира,
Ты царствуешь спокойно и светло,
И говоришь: «Не сотвори кумира!»
«Злой Дракон, горящий ярко там, в зените...»
Злой Дракон, горящий ярко там, в зените,
Протянувший всюду пламенные нити,
Опаливший душным зноем всю долину, –
Злой Дракон, победу ты ликуешь рано!
Я из тёмного, глубокого колчана
Для тебя стрелу отравленную выну.
Пред тобою с луком стану без боязни
Я, свершитель смелой беспощадной казни,
Я, предсказанный и всё ж нежданный мститель.
Лук тугой стрела покинет с медным звоном.
Ты на вызов мой ответишь тяжким стоном,
Ты померкнешь, ты погибнешь, злой губитель!
«Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг...»
Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг.
Змий в пылающей порфире пред моим огнём померк.
Разделенья захотел я – и воздвиг широкий круг,
Вольный мир огня, веселья, сочетаний и разлук.
Но наскучила мне радость переменчивых лучей,
Я зову иную сладость, – слитность верную ночей.
Темнота ночная пала, скрылась бледная луна,
И под сенью покрывала ты опять со мной одна.
Ты оставила одежды у порога моего.
Исполнение надежды – радость тела твоего.
Предо мною ты нагая, как в творящий первый час.
Содрогаясь и вздыхая, ты нагая. Свет погас.

Собрание стихотворений. Том 1. Книги стихов. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Ласки пламенные чую, вся в огне жестоком кровь.
Весть приемлю роковую: «Ты один со мною вновь».
Комментарии

Печатается по:
Сологуб Федор. Стихи. Книга первая. СПб., 1896.

Сологуб Федор. Тени. Рассказы и стихи. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896. Часть тиража выпущена под заглавием «Рассказы и стихи. Червяк. Тени. К звездам. Стихи. Кн. 2».

Сологуб Федор. Собрание стихов. Книга III и IV. М.: Скорпион, 1904.

Сологуб Федор. Родине. Стихи. Книга пятая. СПб., 1906.

Сологуб Федор. Змий. Стихи. Книга шестая. СПб., 1907.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!